

УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА

GOVERNANCE
AND
POLITICS

Vol. 2
№ 3
2023

Журнал

«УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА»

Governance and Politics»

Цель рецензируемого научного журнала «Governance and Politics» – публикация результатов исследований в области политической науки. Журнал сфокусирован на политической теории, проблемах и трансформации политических институтов и процессов, вопросах политической идеологии и государственного управления. G&P публикует рукописи высокого качества и новизны, охватывающие фундаментальные теоретические и эмпирические исследования в указанных предметных областях.

Журнал издается на русском и английском языках, преследуя цель интеграции международного академического политологического сообщества и развития научного диалога. Авторы из всех стран мира приглашаются к опубликованию в журнале результатов своих исследований. G&P охватывает широкую географию авторов и рецензентов, а также членов редколлегии.

Области исследований

- политическая философия / политическая теория
- история политической науки
- методология политической науки
- политические институты
- политические процессы и тенденции
- политическая культура и идеология
- политические конфликты
- государственное управление и государственная политика
- международная политика

Основатель и издатель

МГИМО МИД России
www.mgimo.ru

Язык

русский / английский

Редакция

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского 76
Факультет управления и политики
gp@inno.mgimo.ru

Официальный сайт журнала

<https://www.gp-mgimo.ru>

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии

Анатолий Васильевич Торкунов,
профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России, Россия

Главный редактор

Генри Тигранович Сардарян,
декан Факультета управления и политики МГИМО МИД России, Россия

Татьяна Александровна Алексеева,
профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России, Россия

Ван Вэнь,
профессор, декан Института финансовых исследований «Чунъян», Китайский народный университет

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина,
профессор, член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России; президент Российской ассоциации политических наук, Россия

Александр Жебит,
доцент, Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия

Марина Михайловна Лебедева,
профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, Россия

Рафаэле Маркетти,
профессор, проректор по интернационализации Свободного международного университета социальных наук «Гвидо Карли», Италия

Юрай Немец,
профессор, Масариков университет, Чехия

Леонид Владимирович Сморгунев,
профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Россия

Арчана Упадауй,
профессор Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Индия

Августин Квази Фосу,
профессор, Университет Ганы, Гана; Университет Йоханнесбурга, Университет Претории, Южно-Африканская Республика; научный сотрудник, Оксфордский университет, Великобритания

Андрей Юрьевич Шутов,
профессор, декан Факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Редакция

Научный редактор **Оксана Геннадьевна Харитоновна,** МГИМО МИД России, Россия

Выпускающий редактор **Денис Андреевич Кузнецов,** МГИМО МИД России, Россия

Ответственный секретарь **Юлиана Ников,** МГИМО МИД России, Россия

Верстка **Дмитрий Евгеньевич Волков,** МГИМО МИД России, Россия

Управление и политика

Governance and Politics

Aim and Scope

The aim of the Journal is to publish the results of research in the field of political science. The journal is focused on political theory, problems and transformation of political institutions and processes, political ideology as well as public administration. G&P publishes manuscripts of high quality and novelty covering fundamental theoretical and empirical findings in these subject areas. The journal is published in Russian and English, insofar as it considers integration of international academic political science community as its strategic purpose; it encourages international academic dialogue among political scientists. Authors from all over the world are invited to publish in the Journal the results of their research. G&P embraces a wide geography of authors and reviewers as well as the members of the Editorial Board.

Fields of Research

- political philosophy / political theory
- history of political science
- political science methodology
- political institutions
- political processes and trends
- political culture and ideologies
- political conflicts
- public administration and public policy
- international politics

Founder and Publisher

MGIMO University
www.mgimo.ru

Language

Russian / English

Editorial Office

76, av. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454
School of Governance and Politics

Official Website

<https://www.gp-mgimo.ru>

Editorial Board

Head of the Editorial Board

Anatoly Torkunov,

Professor, Full Member of Russian Academy of Sciences, Rector of MGIMO University, Russia

Editor-in-Chief

Henry Sardaryan,

Dean of School of Governance and Politics, MGIMO University, Russia

Tatiana Alekseeva,

Professor, Head of Department of Political Theory, MGIMO University, Russia

Augustin Kwasi Fosu,

Professor, University of Ghana, Ghana; University of Johannesburg, University of Pretoria, the Republic of South Africa; Research Associate, University of Oxford, the United Kingdom

Oxana Gaman-Golutvina,

Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Department of Comparatives Politics, MGIMO University; President of Russian Political Science Association, Russia

Marina Lebedeva,

Professor, Head of Department of World Politics, MGIMO University, Russia

Raffaele Marchetti,

Professor, Deputy Rector for Internationalization, Free International University of Social Studies Guido Carli, Italy

Juraj Nemec,

Professor, Masaryk University, the Czech Republic

Leonid Smorgunov,

Professor, Head of Department of Political Governance, Saint Petersburg State University, Russia

Andrey Shutov,

Professor, Dean of Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Archana Upadhyay,

Professor, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Wang Wen,

Professor, Executive Dean of Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China

Alexander Zhebit,

Associate Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Brazil

Editorial Staff

Scientific Editor **Oxana Kharitonova**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Publishing Editor **Denis Kuznetsov**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Executive Secretary **Yuliana Nikov**, MGIMO University, Russia

Layout **Dmitry Volkov**, Russia, MGIMO University, Russia

Содержание

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Повестка государственной политики в неспокойном мире	8
<i>В.И. Якунин</i>	

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

«Поля идей» для научной дипломатии в контексте российского «поворота на Восток»	25
<i>М.В. Вилисов</i>	
Многосторонняя культурная дипломатия: традиции и инновации	46
<i>К.М. Табаринцева-Романова</i>	

ПОЛИТОЛОГИЯ

Институциональные ограничения церковного лоббизма в США	58
<i>Д.А. Пареньков</i>	
Русско-японская война 1904–1905 и православие в Восточной Азии	71
<i>Ли Цзин</i>	
Информация для авторов	79

Contents

PUBLIC ADMINISTRATION

Public Policy Agenda in a Turbulent World.....	8
<i>Vladimir I. Yakunin</i>	

INTERNATIONAL POLITICS

"Fields of Ideas" for Science Diplomacy in the context of Russian "Pivot to East"	25
<i>Maksim V. Vilisov</i>	
Multilateral Cultural Diplomacy: Traditions and Innovations	46
<i>Ksenia M. Tabarintseva-Romanova</i>	

POLITICAL SCIENCE

Institutional Constraints of Church Lobbying In the USA	58
<i>Daniil A. Parenkov</i>	
Russo-Japanese War 1904–1905 and Orthodoxy in East Asia	71
<i>Li Jing</i>	
Brief Author's Guide	79

Повестка государственной политики в неспокойном мире

В.И. ЯКУНИН¹

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Россия)

Аннотация

Мир переживает кардинальную трансформацию, которую можно охарактеризовать как системный кризис, имеющий экономическое, политическое и антропологическое измерения. Такие изменения создают значительные проблемы на глобальном и национальном уровнях, проверяя международные институты и национальные правительства на прочность и создавая кризисы на всех уровнях управления и в различных сферах. В статье рассматривается, как меняется повестка дня государственной политики с учетом этих перманентных потрясений. Основная повестка государственной политики находится под давлением краткосрочных и экстренных задач в ущерб стратегическим вопросам, а для обеспечения устойчивого развития правительства должны поддерживать долгосрочные проекты, внутреннюю социальную согласованность и внешний взаимный диалог, используя самые передовые инструменты социальных и естественных наук, а также возможности цифровизации. Только такой инициативный, но осторожный и цивилизованно обоснованный подход обеспечит мирное решение текущих и будущих задач.

Ключевые слова

государственная политика и управление, глобальный системный кризис, капитализм, глобальное большинство, неравенство, диалог, дипломатия, развитие, гегемония США, культура отмены, санкции

Для цитирования

Якунин В.И. (2023). Повестка государственной политики в неспокойном мире. *Управление и политика*, 2(3), С. 8–24. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-3-8-24

¹ Якунин Владимир Иванович – доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 119192, Москва, Ломоносовский проспект д.27 к.4 (Шуваловский корпус МГУ).
E-mail: info@polit.msu.ru

Не будет преувеличением охарактеризовать последние три-четыре года существования современного мира как период чрезвычайно высокой турбулентности: на этот период пришлось пандемия COVID-19 и обострение украинского кризиса, которые затронули практически все аспекты современных международных отношений, характеризовавшие ранее процессы глобализации. В попытках концептуализации происходящих изменений в статье выдвигается гипотеза о наличии «системного глобального кризиса», который и является основной причиной упомянутой нестабильности. Данная научная гипотеза еще потребует подтверждения и защиты за рамками одной статьи, поэтому в заголовок вынесена менее строгая формулировка, отражающая, тем не менее, суть происходящих процессов: «неспокойный мир».

Состояние «неспокойного мира» (применительно к глобальным международным процессам, прежде всего) критическим образом влияет на повестку государственной политики национальных правительств, тем самым меняя их тактические и стратегические приоритеты, создавая уже новые очаги нестабильности и подпитывая в свою очередь «снизу» состояние «неспокойного мира».

Этот порочный круг требует детального анализа для определения точек его возможного «размыкания», прежде всего на уровне практической политики. В этом и заключается основная цель настоящего исследования.

Методология исследования

Центральным феноменом исследования оказалось состояние «неспокойного мира», которое предлагается рассматривать через призму политического кризиса, происходящего на глобальном уровне. Рассмотрение этого явления под таким углом является в определенном смысле новаторским, так как политический кризис традиционно рассматривается в рамках одной политической системы или ее институтов, а для системы международных отношений существует другой понятийный аппарат. Следует согласиться, однако, с мнением российских исследований, что границы между внутренней и внешней политикой в современном мире стираются, в том числе из-за активного влияния международных и глобальных

институтов, поэтому происходит своеобразная конвергенция политической науки и теории международных отношений (Гаман-Голутвина, 2016; Торкунов, 2020). Следуя этому тренду, представляется возможным применить концептуальную рамку «политического кризиса», которая будет описана далее, к изучению состояния мирового порядка, имея в виду, что сформированные за последние десятилетия международные и глобальные институты фактически уже осуществляют функции, присущие «глобальному управлению», и именно с характеристикой их функционирования тесно связаны многие последствия в виде нестабильности (Торкунов, 2022).

Проведя подробный и системный обзор зарубежных и российских теоретических концепций, описывающих политический кризис, российские исследователи Телин К.О. и Полосин А.В. сформировали концептуальную рамку для изучения политического кризиса (Телин, Полосин, 2016), которая вполне применима к заявленному предмету. В соответствии с их подходом политический кризис характеризуется:

- разрушением существующих структур, статусов, ролей и институтов;
- неуправляемыми, непредсказуемыми, чрезмерно скоротечными изменениями;
- отсутствием коллективно разделяемых ценностей на общественном и групповом уровне;
- ограниченностью сроков принятия решений и ограниченностью прогностического потенциала акторов;
- распространением политически мотивированного насилия и выходом его из-под контроля (Телин, Полосин, 2016, с. 100).

Через призму этих характеристик в работе рассматривается состояние «неспокойного мира» и делаются выводы о его основных параметрах.

Для прогнозирования кризиса в рамках упомянутой концептуальной рамки предлагается уделять внимание состоянию политических институтов, формированию идентичности, политическому участию и состоянию экономики (Телин, Полосин, 2016, с. 100-105). Эти «идентификаторы» кризиса также использованы в работе для выработки практических рекомендаций.

Характеристики «неспокойного мира»

На протяжении последних 20 лет в рамках своей исследовательской деятельности автор констатировал неизбежность наступления глобального системного кризиса, отмечая, в том числе, таковой характер кризиса 2008-2009 годов, который принято называть глобальным финансовым кризисом (Якунин, 2009). Сейчас с полной уверенностью можно сказать, что мир вступил в этот кризис и с экономической точки зрения: COVID-19 вызвал серьезную рецессию во многих странах, конфликт на Украине повлиял на мировую торговлю (Sapir, 2022). Это и будет отправной точкой наших дальнейших рассуждений.

Системность состояния «неспокойного мира» проявляется в наличии в нем, помимо экономической, еще политической, социальной и антропологической составляющих.

Политическая составляющая выражается в неспособности существующих международных институтов предотвращать и урегулировать кризисы и конфликты, подобные украинскому. Но украинский кризис, естественно, не является единственным: сюда можно легко добавить череду кризисов в регионе Ближнего Востока, Африки, и даже неурегулированную ситуацию вокруг Косово на Балканах. В XXI веке количество конфликтов резко возросло (рост наблюдается с 2010 г.). Более половины всех государств, вовлеченных в конфликты, также затронуты затяжными вооруженными конфликтами, длящимися более 10 лет. Гражданская война обходится средней развивающейся стране в сумму, эквивалентную тридцати годам роста ВВП². Главная констатация – существующие международные институты, призванные урегулировать такие конфликты и кризисы, практически перестали работать.

² Marc A. (2016). Conflict and Violence in the 21st Century. Current Trends as Observed in Empirical Research and Statistics. World Bank Group. URL: <https://www.un.org/pga/70/wp-content/uploads/sites/10/2016/01/Conflict-and-violence-in-the-21st-century-Current-trends-as-observed-in-empirical-research-and-statistics-Mr.-Alexandre-Marc-Chief-Specialist-Fragility-Conflict-and-Violence-World-Bank-Group.pdf> (accessed 27.08.2023)

Социальная составляющая кризиса – это неспособность существующей политико-экономической системы разрешить накопившиеся социальные проблемы, прежде всего усиливающееся неравенство: как внутри обществ, так и между странами. Эта тенденция усугубилась кризисом COVID-19, во время которого правительства заняли сумму, эквивалентную 10-20% ВВП, в основном у частного сектора. Нынешнее низкое благосостояние правительств имеет важные последствия для способности государства бороться с неравенством в будущем³. Важно, что значимые общественно-политические акторы, преимущественно на национальном уровне, практически «отключены» от системы принятия решений на международном и глобальном уровнях, в том числе из-за непропорционального и/или несправедливого представительства в международных и глобальных институтах, что подчеркивает политическую природу этих явлений.

Антропологическая составляющая проявляется в появившихся существенных сдвигах в понимании социальной, психической и даже биологической природы человека: здесь и вопросы соотношения индивидуализма и коллективизма, вопросы религии и идеологии, вторжение искусственного интеллекта и информационных технологий в функционирование человеческого сознания.

Пандемия сыграла положительную роль в сфере интернетизации и информатизации (Kheifets, 2020), ускорились процессы внедрения искусственного интеллекта. По данным агрегатора прогнозов Metaculus к 2034 г. может быть создан общий искусственный интеллект, способный мыслить и действовать как обычный человек⁴.

Все эти изменения драматическим образом влияют на формирование идентичности, а также на функционирование общих систем ценностей, которые не успевают адаптироваться к столь быстрым и масштабным изменениям социальной, человеческой и техногенной природы.

³ World inequality report (2022). WID. URL: <https://wir2022.wid.world/executive-summary> (accessed 27.08.2023)

⁴ When will the first general AI system be devised, tested, and publicly announced? (2020). Metaculus. URL: <https://www.metaculus.com/questions/5121/date-of-artificial-general-intelligence/> (accessed 20.07.2023)

Такая сложная комбинация вызовов требует реакции со стороны государственных систем и формирования соответствующей государственной политики. Эти вопросы пока остаются без надлежащего ответа, что и позволяет определять существующее положение вещей как кризисное.

С точки зрения формирования государственной политики это состояние описывается через следующие характеристики.

Первое. Кризис является ожидаемым и отражает накопившиеся противоречия современной глобальной системы, давно не содержащей признаков рыночной экономики и утратившей ее позитивные черты. Если раньше эти противоречия можно было скрывать в рамках противостояния двух систем времен холодной войны или за счет экспансии на новые рынки и страны в условиях растущей глобализации после распада СССР в 1990-е и 2000-е годы, то теперь эти противоречия уже невозможно замаскировать.

Второе. Это приводит к нарастанию противоречий между западными странами, ведомыми США, и странами, выступающими за альтернативное развитие, к которым относятся Китай, Россия (Lukin, 2018), развивающийся мир. Именно в подъеме незападных стран, которые в российском научном сообществе начинают именовать «мировым (глобальным) большинством» (Лукьянов, 2023) или совокупностью стран «Глобального Юга (Востока)», и их несогласием с отведенной им ролью в мировой экономике эксперты видят одну из причин кризиса капитализма.

Третье. Корни кризиса уходят далеко в прошлое, в том числе в развитие социализма и капитализма. Поэтому нельзя говорить, что кризис развился в 2022 или в 2008 г. Он развивался долгие годы, в том числе в период холодной войны, когда и в капиталистическом, и в социалистическом лагерьх назревали во многом схожие процессы.

Например, снижение эффективности государственного управления и разочарование в кейнсианстве (на Западе) и в административно-командной экономике (в СССР) привело к росту популярности неолиберализма в обеих системах, что стало причиной краха социалистической системы и отказа от соответствующей идеологии (вернее, ее замены на новую – неолиберальную, что стало причиной соответствующих политических трансформаций).

Урбанизация и связанный с ней «демографический переход», рост благосостояния граждан в условиях «государства всеобщего благосостояния» на Западе и развитие социалистического государства на Востоке привели к структурным социально-экономическим изменениям, осложнившим (или сделавшим невозможными) успешные экономические реформы в посткоммунистических странах и надолго определившим миграционные потоки в Северной Америке и Евразии: из стран «Глобального Юга» в страны «Севера» (Запада).

Так получилось, что выгоду от этих процессов, ставших в определенный момент политическими, то есть управляемыми по политическим причинам, получили страны Запада и в первую очередь – США. Экономист-марксист Ричард Д. Вольф утверждал, что капитализм нестабилен, неравноправен и по своей сути недемократичен⁵. Дилан Салливан и Джейсон Хикель считают, что капитализм не уникален в том, что он порождает бедность; бедность может быть результатом любой системы, в которой низший класс не имеет политической и экономической власти. Однако ясно, что экспансия капиталистической мир-системы вызвала драматический и длительный процесс обнищания в масштабах, беспрецедентных в истории человечества (Sullivan & Hickel, 2023).

Все попытки российского руководства предложить после распада СССР равноправное партнерство на понятных принципах, закрепленных в международном праве и международных институтах, таких как ООН, потерпели крах: мир продолжил функционировать на основе весьма размытой системы «правил», которые действовали наряду, в обход или параллельно с формальными международными институтами, закрепляя неравноправное положение стран на мировой арене. Мир наблюдал рост стремления в американо-европейской политике к неоспоримому диктату новых правил и установлению их путем разрушения отдельных государств и любых неподконтрольных Америке организационных инициатив как на глобальном, так и на региональном уровнях (Шаклеина, 2015).

⁵ Capitalism vs. Socialism. Richard Wolff vs. Gene Epstein. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aWtIDwcME3I> (accessed 20.07.2023)

Даже внутри условного «коллективного Запада», как показал «украинский кризис», ни о каком равноправии речи нет: страны Европы и даже ЕС (как межгосударственное образование) вынуждены жертвовать своими экономическими и политическими интересами в пользу «единой» западной доктрины, цементируя «западный блок» (или западную цивилизацию) под гегемонией США. Политическая, военная и экономическая мощь Запада значительно ослаблена, и он пытается приостановить ее дальнейший упадок. Составной частью этой политики является «новая холодная война» как попытка объединить разделенное и встревоженное общественное мнение с помощью призрака иностранной «угрозы» (Саймонс & Гласер (Кукарцева), 2019). «Холодная война» в этом ключе – логическое следствие «неспокойного мира».

Если суммировать изложенное выше и рассмотреть через предложенную концептуальную рамку политического кризиса, то получается картина, позволяющая характеризовать существующее состояние «неспокойного мира» как системный политический кризис глобального уровня (см. Таб. 1).

Таблица 1.

Кризисные характеристики состояния «неспокойного мира»

Признаки политического кризиса	Характеристики «неспокойного мира» и примеры
разрушение существующих структур, статусов, ролей и институтов	разрушение роли ООН, снижение статуса «незападных» стран при взаимодействии с «западными», понижение статуса отдельных западных стран при взаимодействии с США, неформальный режим гегемонии США
неуправляемые, непредсказуемые, чрезмерно скоротечные изменения	политические кризисы в странах Ближнего Востока, Азии, Африки и постсоветского пространства («цветные революции», военные перевороты, гражданские войны), странах Запада (противостояние Трампа в США, уличные протесты в Европе); пандемия COVID-19 (неспособность институтов с ней справиться)

отсутствие коллективно разделяемых ценностей на общественном и групповом уровне	политическая поляризация в США и многих странах мира, рост популизма; отсутствие мирового консенсуса по поводу «украинского кризиса»
ограниченность сроков для принятия решений и ограниченность прогнозного потенциала акторов	принятие решений в реактивном режиме в условиях пандемии и «украинского кризиса»
распространение политически мотивированного насилия и выход его из-под контроля	западные санкции против России, Ирана и ряда других стран, военный конфликт вокруг Украины, военные перевороты, гражданская война в Сирии, террористическая активность на Ближнем Востоке, в Африке

Table 1. Crisis characteristics of the state of the “turbulent world”

Источник: составлено автором

Несмотря на наличие признаков системного политического кризиса глобального уровня, доказательство этой гипотезы не является главным предметом настоящей статьи. Важнее определить, каким образом это состояние влияет на повестку государственной политики на национальном уровне. Ключевыми здесь являются несколько моментов.

Первое. Угроза применения политически мотивированного насилия на глобальном уровне будет определяющим для большинства стран и будет являться главным фактором состояния «неспокойного мира». Страны и политические элиты, желающие сохранить свое доминирование⁶, будут продолжать использовать широкий арсенал мер политического принуждения: от экономических санкций⁷ до угрозы военного вторжения,

⁶ Страны Запада претендуют на концентрацию власти в глобальном мире в своих руках, несмотря на то, что мировой ВВП сегодня не в пользу стран Запада. Сегодня доля ВВП стран Восточной Азии и Тихоокеанского региона к мировому уровню составляет 30%, доля Европы и Центральной Азии – 27%, Северной Америки – 23%. См.: Вебинар с Владимиром Якуниным «Современный кризис политических систем на фоне развития пандемии COVID-19». URL: https://www.sserussia.org/about-us/news/webinar_with_vladimir_yakunin/ (дата обращения 19.07.2023)

⁷ Инструмент экономических санкций стал наряду с военными кампаниями – одним из самых применимых в политике США, которые начиная с 1990-х годов ввели две трети мировых санкций. В 2023 г. действовало 38 санкционных программ США. См.: Manu Karuka. (2021) Hunger Politics: Sanctions as Siege Warfare. Sanctions as War; Sanctions Programs and Country Information. URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information> (accessed 19.07.2023)

формирования внутренней политической стабильности и применения «культуры отмены» в отношении отдельных политиков и общественных деятелей. Скорее всего, основным инструментом принуждения останутся экономические санкции, которые давно уже приобрели политическую окраску, а также стали инструментом борьбы за экономическое и технологическое доминирование в глобализированной мировой экономике, отодвинув на второй план военное соперничество (Väyrynen, 2019).

Значительному числу стран придется, вероятно, подчиниться этому принуждению из-за отсутствия ресурсов (в том числе, политических) для противодействия. Несогласные с этим положением вещей должны быть готовы к противостоянию – в одной или в нескольких из перечисленных сфер. Это предъявляет соответствующие требования к обеспечению национального суверенитета, мобилизации политических и административных систем, выбору партнеров на международном уровне – то есть, формирует соответствующую стратегическую повестку государственной политики. Практика российско-китайского взаимодействия, отношений России со странами Восточной Азии показывает, что лидеры и политические классы соответствующих стран одинаково понимают свои стратегические цели и интересы (Худайкулова, 2020).

Второе. Странам «глобального большинства», к которым относятся Китай и страны Восточной Азии, еще предстоит столкнуться с теми структурными социально-экономическими проблемами, с которыми пришлось иметь дело капиталистическим и социалистическим странам в последние десятилетия холодной войны и сразу после ее завершения. Речь идет о запросе на рост благосостояния при одновременном росте урбанизации и сокращении рождаемости⁸. Рецепты развитых западных стран для решения этих проблем не помогут – так как они сформированы в другом общественно-политическом и экономическом контексте. Поэтому речь идет о формировании новых научно-практических теорий и подходов, которые помогут справиться с этими вызовами. Делать это придется-

⁸ Martine G., Alves J.E. & Cavenaghi S. (2013). Urbanization and fertility decline: Cashing in on structural change. Working Paper. International Institute for Environment and Development.

ся сообща, так как в условиях глобальной экономики провести успешные реформы в отдельно взятой стране практически невозможно. Соответственно, растет роль общественных наук и международной кооперации в этой сфере.

Третье. В условиях очевидного кризиса политических идеологий, большинство из которых было рождено на Западе в XIX-XX веках, очевидна нарастающая потребность в новых идеологиях, отвечающих современным реалиям, интересам и социально-культурным (цивилизационным) особенностям стран «глобального большинства», способным примирить несводимые сейчас позиции и обеспечить ценностное единство по базовым вопросам на глобальном уровне. Одной из них, по мнению экспертов, может стать китайская модель социального и политического порядка. Однако открыт вопрос, сможет ли китайская модель переродиться в глобальный проект, альтернативный либеральному капитализму Запада (Рябов, 2019).

Практические предложения

Состояние «неспокойного мира» или системного политического кризиса глобального уровня легче всего иллюстрировать на примере украинского кризиса: здесь присутствует и крах международных институтов, и ценностная разобщенность и политически мотивированное насилие, и необходимость действовать в условиях ограниченных временных ресурсов. Можно сказать, что этот кризис стал катализатором многих процессов. Мир раскололся. В то время как большинство стран в Генассамблее ООН проголосовали за резолюцию, осуждающую действия России на Украине, многие выступили либо против, либо воздержались – среди них крупнейшие экономики мира – Китай и Индия⁹. Значительному числу стран удастся сохранить нейтралитет, столь необходимый не только с точки зрения защиты национальных интересов, но и для обеспечения

⁹ Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию. ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/03/1420532> (дата обращения 19.07.2023)

стабильности в мире (Юй, 2022). Это приводит к тому, что в самих странах также происходят изменения. В тех же США существует раскол, который носит ценностный и идеологический характер. Это важно отметить для логики дальнейших размышлений.

Современный мир является свидетелем противоречий между институтом государства и институтом общества. Общество, которое исторически создало институт государства для разрешения противоречий и управления, сегодня может констатировать, что государство как институт и как класс бюрократии все больше и больше старается выйти из-под контроля общества, что тоже является характеристикой политического кризиса, но уже на национальном уровне. Рискнем предположить, что это характерно для всех стран и политических систем, следующих современным концепциям неолиберального капитализма и основанной на его основе модели глобализации, хотя этот тезис может стать предметом научной дискуссии.

При этом все равно возникает законный вопрос и опасения в том, что государство, которое монополизировало инструменты принуждения и концентрирует, в том числе, научно-технические ресурсы, использует их для формирования общественного мнения в целях обеспечения своих интересов, выдавая их за «национальные». С точки зрения любой теории (неомарксизм, релятивизм, реализм) эти интересы не имеют ничего общего с интересами того общества, за интересы которого они выдаются. Примеры этих противоречий являются важнейшим элементом формирования государственной политики на национальном и глобальном уровне: транснациональным политическим и деловым элитам подчас проще договориться друг с другом, чем с собственным населением и гражданским обществом в соответствующих странах, которыми можно манипулировать через информационную повестку и с использованием социально-экономических инструментов, в итоге игнорируя в течение десятилетий их базовые интересы и потребности. Такое «перерождение» политических элит во многих странах и сделало возможным столь долгое существование глобальной гегемонии.

В этой связи считаем возможным определить пути выхода из сложившейся ситуации через систему трех «D»: Dialogue, Diplomacy, Development.

Dialogue: диалог не ведется государственными институтами; государства ведут переговоры, а диалог ведется только институтами гражданского общества. В мире формируется запрос не на порядок, а на стратегическую эмпатию, то есть способность признать и понять потребности другого без отказа от своих представлений и без стремления изменить другого (Сафранчук, 2022).

Diplomacy: дипломатические инструменты – единственные инструменты разрешения противоречий; с накопленным военным потенциалом, способным уничтожить жизнь на земле, силовые методы не способны разрешить конфликт. Более того, другие достижения научно-технического прогресса, которые используются сейчас непостижимым образом для ведения гибридной войны и манипулирования общественным сознанием, демонстрируют, что профессиональная дипломатия критически необходима. В условиях кризиса капиталистической системы дипломатия меньшинства себя дискредитировала, договоренности в узком кругу странами развивающегося мира не воспринимаются больше как «позиция международного сообщества» (Лавров, 2023).

Development: в настоящее время много говорится о возрождении национальных государств, хотя глобализацию тоже никто не отрицает. По мнению Рассела Бермана, кризис COVID-19 ускорил возрождение национального государства в качестве доминирующего игрока в международной политике. Способность национального государства осуществлять власть сыграла более важную роль в управлении кризисом COVID, чем международные организации¹⁰. Пандемия и современная ситуация все больше и больше показывают, как легко нарушаются глобальные цепочки. Нас с неизбежностью ожидают фрагментация и регионализация¹¹: по географическому принципу или по принципу общности интересов (БРИКС, ШОС, АСЕАН) (Лукин & Якунин, 2019). Но при этом ключевым вопросом

¹⁰ Russell B. (2020). On The Nation-State's Re-Emergence, Globalization's Decline, And The International Politics Of COVID-19. URL: https://www.hoover.org/news/russell-berman-nation-states-re-emergence-globalizations-decline-and-international-politics?_gl=1*pktd4d*_ga*MTA3NzM0NjEwMS4xNjg4ODE0MTU2*_ga_0PJBLNCVZ1*MTY4ODgxNDE1NS4xLjEuMTY4ODgxNDE1Ni41OS4wLjA (accessed 19.07.2023)

¹¹ Фрагментация и регионализация международного порядка. НИУ ВШЭ. URL: https://ncmu.hse.ru/chelpoten_trends/regionalism (дата обращения 19.07.2023)

является вопрос о том, что ставится во главу угла современного развития. Развитие и формирование национальных интересов следует понимать не через призму роста ВВП как единого мерила развитости, а через призму развития общества и человека с точки зрения счастья, развитости, уверенности в будущем, а для этого правительствам еще предстоит реформировать системы государственного управления с учетом опыта отдельных стран (Гаман-Голутвина, 2013). Создание сильных и эффективных государственных учреждений имеет решающее значение для достижения целей в области устойчивого развития и построения будущего на более совершенной основе после пандемии (Мелеман & Фрейзер-Молекети, 2022).

«Три D» должны быть положены в основу формирования современной политики современного государства – практика ценностно-ориентированной политики, которая формируется на основе ценностей современного конкретного общества, с учетом исторических и актуальных особенностей формирования, с упором на центральное антропологическое ядро – ценности развития человека.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Public Policy Agenda in a Turbulent World

Vladimir I. Yakunin, Doctor of Political Sciences, Head of the Public Policy Department,
Political Science Faculty, Lomonosov State University.
Lomonosovsky pr. 27-4 Moscow, 119192, Russia
E-mail: info@polit.msu.ru

Abstract: The world is experiencing dramatic transformations determined by political and economic shifts in the roles of the West and the East, the North and the South. These changes pose huge challenges on the global and national levels, testing international institutions and national governments and creating crises on all levels and in different spheres. The article examines how the public policy agenda is changing under permanent shocks. The author comes to the conclusion that the public policy agenda is under the pressure of short-term and emergency-oriented tasks in expense of strategic issues, but in order to provide sustainable development, the governments should support long-term projects, internal social coherence and external mutual dialogue, using the most advanced tools of social and natural sciences, as well as the opportunities of digitalization. Only this proactive, but careful and civilizationally grounded approach will provide peaceful solution of current and future challenges.

Keywords: public policy and governance, global systemic crisis, capitalism, global majority, inequality, dialogue, diplomacy, development, hegemony, sanctions, cancel culture

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Kheifets B.A. & Chernova V.Yu. (2020). The New Global Economic Crisis: How Will Globalization Change? *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 13(4): 34–52. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-2

Lukin, A. & Yakunin, V. (2018). Eurasian Integration and the Development of Asiatic Russia. *Journal of Eurasian Studies*, 9(2), 100–113. DOI: 10.1016/j.euras.2018.07.003

Meuleman, L. & Fraser-Moleketi, G. (2022). Transforming Institutions and Governance to Build forward Better towards 2030. *Governance and Politics*, 1(2), 7–29. DOI: 10.24833/2782-7062-2022-1-2-7-29

Sapir, J. (2022). What Will the Next Great Global Crisis Be Like? *Russia in Global Affairs*, 20(3), 156–160. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-156-160

Sullivan, D. & Hickel, J. (2023). Capitalism and Extreme Poverty: A Global Analysis of Real Wages, Human Height, and Mortality since the Long 16th Century. *World Development*. 161 p. DOI: 10.1016/j.worlddev.2022.106026

Väyrynen, R. (2019). Models of a New World: towards a Synthesis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 12(3), 189–206. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-189-206

Entina, E.G. (2022). Ot «otmenënoï Rossii» k strane-civilizacii [From “abolished Russia” to a country-civilization: The “abolition” of the West of Russia in the eyes of most countries of the world has become the exaltation of the territory]. *Rossiia v global'noy politike*, 20(5), 98–108. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-5-98-108 (In Russian)

Gaman-Golutvina, O.V. (2013). Mirovoj opyt reformirovaniya sistem gosudarstvennogo upravleniya [World experience in reforming the public administration system]. *MGIMO Review of International Relations*, 4(31), 187–194. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-187-194 (In Russian)

Gaman-Golutvina, O.V. (2016). Politicheskaya nauka pered vyzovami sovremennoï politiki. K 60-letiyu SAPN/RAPN [Political science facing the challenges of modern politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1, 8–28. DOI: 10.17976/jpps/2016.01.02 (In Russian)

Khudaykulova, A.V. (2020). Geopoliticheskie treugol'niki v kontekste konkurencii tradicionnyh i voskhodyashchih centrov sily [Geopolitical triangles in the context of modern competition and rising centers of power]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 13(4), 53–73. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3 (In Russian)

Lavrov, S.V. (2023). Podlinnaya mnogostoronnost' i diplomatiya protiv «poryadka, osnovannogo na pravilah» [Prolonged multilateralism and diplomacy versus the “rules-based order”]. *Rossiia v global'noy politike*, 21(4), 72–81. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-72-81 (In Russian)

Lukin, A.V. & Yakunin, V.I. (2019). Puti i poyasa Evrazii. Nacional'nye i mezhdunarodnye proekty razvitiya na Evrazijskom prostranstve i perspektivy ih sopryazheniya [Roads and belts of Eurasia. National and development projects in the Eurasian space and prospects for their integration]. Moscow: «Ves' Mir». 416 p. (In Russian)

Lukyanov, F.A. (2023). Global'noe bol'shinstvo – na perekryostke mirovoj politiki? Interv'yu [Global majority – at the crossroads of world politics?]. *Problemy nacional'noj strategii*, 2, 34–41. DOI: 10.52311/2079-3359_2023_2_34 (In Russian)

Ryabov, A.V. (2019). Ot celostnosti k novomu raskolu i sopernichestvu? [Where does this new split and rivalry come from? (world system and world order in changing realities)] *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 12(4), 32–48. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-32-48 (In Russian)

Safranchuk, I.A. (2022). Empatiya – luchshaya strategiya [Empathy is the best strategy]. *Rossiia v global'noy politike*, 20(2), 132–139. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-2-132-139 (In Russian)

Shakleina, T.A. (2015). Liderstvo i sovremennyy mirovoj poryadok: nuzhen li miru lider? [Leadership and the modern world order: is a world leader needed?]. *Mezhdunarodnye process*, 4, 6–19. DOI: 10.17994/IT.2015.13.4.43.1Shakleina T.A. 2015. (In Russian)

Simons, G. & Glaser (Kukarceva), M.A. (2019). Novaya holodnaya vojna i krizis liberal'nogo global'nogo poryadka [The New Cold War and the Crisis of the Liberal Global Order]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*, 12(3), 77–93. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-77-93 (In Russian)

Telin, K.O., Polosin, A.V. (2016). Politicheskij krizis v zarubezhnoj mysli: konceptualizaciya ponyatiya [Political crisis in foreign thought: conceptualization of concepts]. *Politicheskaya nauka*, 4, 93–110. (In Russian)

Torkunov, A.V. (2020). Rasshiryaya predely sociogumanitarnogo poznaniya mira [Expanding the boundaries of socio-humanitarian knowledge of the world]. *Vestnik Rossiïskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya*, 20(3), 694–703. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-694-703 (In Russian)

Torkunov, A.V. (2022). Rossiya i politicheskij poryadok v menyayushchemsya mire: cennosti, instituty, perspektivy [Russia and political order in a changing world: values, institutions, prospects]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, 7–22. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.02 (In Russian)

Yakunin, V.I. (2009). Rol' tekushchego krizisa v izmenenii finansovo-ekonomicheskoy karty mira. Noveye vozmozhnosti Rossii [The role of the modern crisis in supporting the financial and economic map of the world. New opportunities for Russia]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, 6, 6–18. (In Russian)

Yui, B. (2022). Neitralitet Kitaya v novom mrachnom mire [China's Neutrality in a Dark New World]. *Rossiya v global'noj politike*, 20(3), 118–124. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-118-124 (In Russian)

Литература на русском языке:

Гаман-Голутвина О.В. (2013). Мировой опыт реформирования систем государственного управления. *Вестник МГИМО-Университета*. № 4(31). С. 187–194. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-187-194

Гаман-Голутвина О.В. (2016). Политическая наука перед вызовами современной политики. К 60-летию САПН/РАПН. *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 8–28. DOI: 10.17976/jrps/2016.01.02

Лавров С.В. (2023). Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах». *Россия в глобальной политике*. Т. 21. № 4. С. 72–81.

Лукин А.В., Якунин В.И. (2019). Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения. *Весь мир*, 416 с.

Лукьянов Ф.А. (2023). Глобальное большинство – на перекрёстке мировой политики? *Проблемы национальной стратегии*. № 2 (77). С. 34–41. DOI: 10.52311/2079-3359_2023_2_34.

Рябов А.В. (2019). От целостности к новому расколу и соперничеству? (миросистема и мировой порядок в меняющихся реалиях). *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. № 12(4). С. 32–48. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-32-48

Саймонс Г., Гласер (Кукарцева) М.А. (2019). Новая холодная война и кризис либерального глобального порядка. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. № 12(3). С. 77–93. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-77-93

Сафранчук И.А. (2022). Эмпатия – лучшая стратегия. *Россия в глобальной политике*. Т. 20. № 2. С. 132–139.

Телин К.О., Полосин А.В. (2016). Политический кризис в зарубежной мысли: концептуализация понятия. *Политическая наука*. № 4. С. 93–110.

Торкунов А.В. (2020). Расширяя пределы социогуманитарного познания мира. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 20. № 3. С. 694–703. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-694-703

Торкунов А.В. (2022). Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 7–22. DOI: 10.17976/jrps/2022.05.02

Худайкулова А.В. (2020). Геополитические треугольники в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 4. С. 53–73. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3

Шаклеина Т.А. (2015). Лидерство и современный мировой порядок: нужен ли миру лидер? *Международные процессы*. № 4. С. 6–19.

Энтина Е.Г. (2022). От «отменённой России» к стране-цивилизации: «Отмена» Западом России в глазах большинства стран мира стала возвеличиванием объекта. *Россия в глобальной политике*. Т. 20. № 5. С. 98–108.

Юй Б. (2022). Нейтралитет Китая в новом мрачном мире. *Россия в глобальной политике*. Т. 20. № 3. С. 118–124.

Якунин В.И. (2009). Роль текущего кризиса в изменении финансово-экономической карты мира. Новые возможности России. *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. № 6. С. 6–18.

«Поля идей» для научной дипломатии в контексте российского «поворота на Восток»

М.В. ВИЛИСОВ¹

ИНИОН РАН, МГИМО МИД России

Аннотация

Кризис в российских отношениях с Западом стал ключевым триггером для реального «поворота на Восток» в российской внешней политике. Новая редакция Концепции внешней политики Российской Федерации провозглашает и описывает этот поворот достаточно детально, расширяя пространство для научной дипломатии в рамках международного гуманитарного сотрудничества. Это пространство представляет собой «поля идей», которые формируются в рамках взаимоотношения экспертного сообщества с лицами, принимающими решения внутри страны, и с зарубежными коллегами и партнерами. Эти «поля идей» в настоящее время представляют собой скорее слабо организованные «выставки идей», чем «рынки идей», на которых происходит активное их производство и обмен. Исследование причин этого явления при помощи инструментов институционального конструктивизма, дискурсивного институционализма и «институциональной логики» позволило определить проблемы их функционирования и возможные перспективы развития. Последние требуют активного развития российских и международных «полей идей» в рамках научной дипломатии в конкурентном формате, при этом готовности конкурировать как с западными, так и с «незападными» акторами. На пути такой трансформации могут встретиться несколько институциональных ловушек и тупиков, от успешного преодоления которых будет зависеть успех такой трансформации.

Ключевые слова

научная дипломатия, поворот на Восток, аналитический центр, мозговой центр, фабрика мысли, дискурсивный институционализм, институциональная логика, режим знаний

¹ **Вилисов Максим Владимирович** – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН; старший научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований МГИМО МИД России
E-mail: vilisov@centero.ru

Для цитирования

Вилисов М.В. (2023). «Поля идей» для научной дипломатии в контексте российского «поворота на Восток». *Управление и политика*, 2(3), С. 25–45. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-3-25-45

Российский «поворот на Восток» во внешней политике², ставший с 2014 г. фактом российской политики и предметом научного обсуждения (Караганов, Макаров, 2015; Бордачев, Пятачкова 2018; Торкунов, Стрельцов, Колдунова 2019; Асмолов, Захарова 2023; Торкунов, Стрельцов 2023) получил новый официальный импульс с принятием 31 марта 2023 г. новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации³ (далее – Концепция). Концепция, в частности, подчеркивает, что в контексте «недружественных действий Запада» «созидательную энергию Российская Федерация будет концентрировать на географических векторах своей внешней политики, которые имеют очевидные перспективы с точки зрения расширения взаимовыгодного международного сотрудничества» (п. 14). Эти «географические векторы» описаны в разделе V Концепции и включают такие направления, как «ближнее зарубежье» (государства-участники СНГ и другие сопредельные страны), Евразийский континент (на котором особо выделяются Китай и Индия), Африка и т.д. Таким образом, географически такой разворот внешней политики сложно назвать поворотом на Восток или Юг. Он скорее подчеркивает многовекторный характер российской внешней политики, то есть «разворот от Запада», который признан недружественным, в сторону «дружественных многосторонних институтов» (п. 19 Концепции), «дружественных суверенных глобальных центров силы» (Китай, Индия, п. 51 Концепции), «дружественных цивилизаций» («исламская цивилизация», п. 56 Концепции) и просто поддержание «дружественных» отношений (п.п. 23, 48 Концепции).

² Иногда также применяется термин «азиатский поворот» или «поворот на Юг».

³ Концепция внешней политики Российской Федерации утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения 01.09.2023)

Сам этот разворот все еще требует серьезного концептуального осмысления (Савченко, Зуенко, 2020; Торкунов, Стрельцов, 2023) и разъяснения, как для внутренней, так и для внешней аудитории, особенно из круга стран-партнеров, с которыми сейчас возможно поддерживать «дружественные» отношения. Необходимость проведения такой работы подчеркнута и в самой Концепции (раздел «Информационное обеспечение внешнеполитической деятельности Российской Федерации, п. 48). Среди прочего поставлена задача «доведения до максимально широкой иностранной аудитории информации о внешней и внутренней политике Российской Федерации». В совокупности с поставленными в разделе «Международное гуманитарное сотрудничество» (п. 43, подпункт 3) задачами по развитию «механизмов общественной дипломатии с участием конструктивно настроенных по отношению к России представителей и институтов гражданского общества, а также политологов, представителей экспертного и научного сообщества» сфера приложения усилий для российского научно-экспертного сообщества определена достаточно четко.

Что представляет собой эта сфера? Это сфера дипломатии и экспертизы, которая охватывается понятием «научной дипломатии». Наиболее распространенное понимание последней раскрывает ее через три основных вида деятельности: «наука в дипломатии», «дипломатия для науки», «наука для дипломатии» (Reinhardt, 2021). В рассматриваемом случае для реализации «поворота на Восток» нужен акцент на двух компонентах: «наука в дипломатии» (экспертная поддержка формирования политики и принятия решений в сфере международных отношений) и «наука для дипломатии» (оказание поддержки традиционной дипломатии посредством международных научных контактов).

Что является основным продуктом деятельности в этой сфере?

Рискнем предположить, что это «идеи», как совокупность научных представлений, норм и ценностей (как формальных, так и неформальных, в том числе традиций, ритуалов и привычек), способных оказывать самостоятельное влияние на политику, формируя ментальные (идеологические, ценностные) ограничения для выработки политического

курса и конкретных политических решений среди лиц, принимающих решения (далее – ЛПР) (Вилисов, 2023; Campbell, 1998; Малинова, 2009; Малинова, 2010).

Идеи могут быть «нормативными» и «когнитивными» (Малинова, 2009), делая дискурс частью политики (Малинова, 2009), а сами идеи приобретают власть/силу (Carstensen, Vivien, Schmidt, 2016), в том числе – «дискурсивную» (Денисов, 2020).

«**Поля идей**» – это информационно-коммуникационные пространства, в которых осуществляется производство и распространение «идей», доведение их до целевых аудиторий, которыми в рассматриваемом случае являются российские ЛПР и новые «географические векторы» российской внешней политики в лице соответствующих политических и экспертных сообществ, организаций и институтов, а также более широких социальных групп, общества в целом. Эти «поля идей» и становятся предметом исследования в настоящей статье, которая представляет собой попытку ответить на вопрос: возможно в современной России сформировать повестку для нового курса внешней политики, чтобы эта повестка нашла отклик у потенциальных партнеров?

Теоретические рамки верхнего уровня применительно к рассматриваемому предмету находятся рядом с такими концептами как «поле» и «социальный капитал» Бурдьё, «мягкая сила»/«мягкая власть» (“soft power”) и «дискурсивная сила» (“discursive power”) (Denisov, 2020), «идеи для политики» (“policy ideas”) (Campbell, 1998; Вилисов, 2023). Объектами исследования на следующем уровне будут «производители идей» – «аналитические центры» (“think tanks”) и «поля идей», которые во многом определяются характеристиками «режимов знаний» (“knowledge regimes”) (Campbell, Pedersen, 2011).

С методологической точки зрения исследование проводилось при помощи инструментов институционального и дискурсивного конструктивизма, а также «институциональной логики», которые все вместе сформировали так называемый «идеационный поворот» в общественных науках (Шмерлина, 2016).

«Поля идей» в российской внешней политике

Строго говоря, задачи новой российской внешней политики в части «поворота на Восток» заключаются в формировании собственной «мягкой силы» (мягкой власти), как минимум сопоставимой с западной. Это уже весьма непростая задача для страны, чьи политический истеблишмент и экспертное сообщество долго находились под западным интеллектуальным влиянием, как в постсоветский период, так и во времена СССР и ранее, в период Российской империи. Несмотря на провозглашение России «государством-цивилизацией» в новой редакции Концепции внешней политики (п. 4), пока никому не удалось достаточно точно сформулировать, что это означает для внутреннего и внешнего пользования.

Здесь предстоит весьма долгий путь интеллектуальных изысканий, в рамках которого может быть полезен опыт «незападных» стран, в том числе Китая. Например, концепция «дискурсивной власти», разработанная и активно продвигаемая в КНР на основе концепции дискурса М. Фуко (Денисов, 2020), представляется весьма применимым инструментом для России с учетом имеющегося внешнеполитического веса и доступа к международным институтам. В то же время это всего лишь концептуальная рамка, которая должна быть наполнена идеями: современными, привлекательными, разнообразными и... применимыми. В западной политической культуре аналитические центры, фабрики мысли (think tanks) являются основными производителями, ответственными за выпуск такого рода продуктов и вообще, за коммуникацию между экспертным сообществом и политическим классом, в том числе за счет использования принципа «вращающихся дверей» (Торкунов, 2020, с. 696-697). Насколько их российские аналоги способны на выполнение таких функций в настоящее время?

В исследовании, проведенном в 2022 г., была проведена попытка изучить производство четырех типов идей («рамки», «парадигмы», «программы», «общественные ожидания») по Дж. Кэмпбеллу (Campbell, 1998, p. 385) аналитическими центрами стран ЕАЭС. Результат

не был неожиданным: эти центры производят два основных типа идей – «рамки» (идеи как символы и концепты, помогающие лицам, формирующим политику, легитимизировать свои решения для широкой общественности) и «парадигмы» (идеи как предположения элит о допустимых и полезных вариантах решений, доступных в настоящее время для лиц, принимающих решения) (Campbell, 1998, p. 385). Такое состояние дел в общем играет позитивную роль с точки зрения политической устойчивости и стабильности: аналитические центры фокусируют свою деятельность на объяснении политического курса для широкой общественности и на предоставлении площадок для диалога между социальными и политическими группами, способными повлиять на формирование политического курса (Вилисов, 2023), но не создает необходимой среды для поиска креативных решений в ходе формирования стратегий. «Консенсусный» тип «режима знаний», доминирующий во всех странах ЕАЭС (Вилисов, 2023) только отягощает положение дел: открытая и публичная дискуссия по основным стратегическим вопросам практически отсутствует. Если общеизвестной метафорой для описания «поля идей» для внешней политики в США является «рынок идей» (“marketplace of ideas”) (Drezner, 2017), то в случае России и стран ЕАЭС в лучшем случае применимой метафорой будет «выставка идей». «Поле идей» в этом случае представляет собой «социальное поле» по П. Бурдьё, где происходит создание и использование социального капитала в форме знаний и символических представлений о социально-политической реальности (Бурдьё, 2007, с. 16-17) и в этом смысле очень близко «режиму знаний» у Кэмпбелла и Педерсена (Campbell, Pedersen, 2011), который описывает различные принципы взаимодействия между участниками: конкурентный, консенсусный, политически ограниченный, технократический. «Консенсусный» характер этих «полей» («режимов») в России означает отсутствие открытой конкуренции идей и их носителей, но не отменяет ее, так как внутренняя борьба за «социальный капитал» все же будет присутствовать.

Сфера внешней политики обладает наиболее развитым «полем идей» в России с институциональной точки зрения. Практически все всемирно известные отечественные аналитические центры (ИМЭМО

РАН, МГИМО, РСМД, Валдайский клуб) работают в этой сфере. Все они в совокупности объединяют значительную часть российского экспертного сообщества, работающего в сфере международных отношений. Кроме того, в системе РАН также существуют институты, обладающие экспертизой в региональных исследованиях: Институт Африки РАН (ответственный за организацию форума «Россия-Африка»), Институт Китая и современной Азии, Институт Латинской Америки, Институт США и Канады, Институт Европы и другие.

Но работает ли эта система организаций как единый институт, производящий идеи для практической политики? Есть несколько причин для такой постановки вопроса.

Первое. Большинство современных российских академических институтов в этой сфере были созданы в советский период и встроены в систему экспертизы принятия решений в соответствии с существовавшим тогда политическим и правовым порядком, формальными и неформальными механизмами и процедурами. Далеко не все эти связи и механизмы сохранились и остались эффективными в постсоветский период. Для компенсации возникших дефицитов создавались новые структуры, такие как дискуссионный клуб «Валдай», Российский совет по международным делам и другие. Однако, сформировали ли они в итоге устойчивую систему перетока актуальных знаний из экспертной сферы в сферу практической политики – вопрос открытый и будет рассмотрен ниже.

Второе. «Вестернизация» российской политической и интеллектуальной элиты началась задолго до распада СССР, и холодная война значительно повлияла на этот процесс. Советское правительство естественным образом концентрировало исследовательский фокус экспертного сообщества на «потенциальном противнике» – США и странах НАТО. Научная дипломатия, прежде всего советско-американская, внесла существенный вклад в предотвращение ядерной эскалации, в создание системы контроля за ядерными вооружениями и во многие другие вопросы, став значимым инструментом советской дипломатии в целом. Однако после распада СССР эта экспертиза не была переориентирована в соответствии с тенденциями быстро

развивающегося и глобализированного мира. В итоге актуальная научная экспертиза по «незападным странам», в том числе странам бывшего СССР, не была сформирована в достаточной мере, хотя значимость этих стран в условиях многополярного мира и перехода центра экономического развития из североатлантического региона в азиатско-тихоокеанский возросла значительно. Этот недостаток сейчас невозможно восполнить одномоментно, что представляет собой существенную проблему.

Третье. Институциональный дизайн российской политической системы существенно изменился с советских времен – это относится как к процессу формирования политики, так и к экспертному участию в нем. Многие институты стали более открытыми, а коммуникации с экспертным сообществом – более разнообразными и интенсивными. Однако единые «правила игры» для такого участия не сформированы, и в каждой сфере государственной политики существует свой набор формальных и неформальных институтов, обеспечивающих эти процессы.

Наилучшие условия для экспертного участия формируются в экономической сфере и связаны в основном с вопросами государственного регулирования экономической деятельности в секторах с достаточным уровнем конкуренции, где разнообразные группы интересов и их представители формируют полноценные «поля идей» для формирования государственной политики.

Напротив, самые строгие ограничения по экспертному участию в формировании политического курса можно встретить в сфере национальной безопасности, где экспертное участие обусловлено соответствующим уровнем секретности, что объективно связано со стратегической важностью рассматриваемых вопросов. Вопросы формирования внешней политики традиционно относятся к вопросам национальной безопасности, поэтому соответствующие ограничения, пусть и не в полной мере, применимы и к этой сфере, что вносит свои коррективы в деятельность экспертов.

Таким образом, складывается очень интересная ситуация: сильнейшие российские аналитические структуры имеют наиболее жесткие ограничения в части привнесения своих идей в процесс

формирования государственной политики, прежде всего в силу сложившегося институционального дизайна. Тем интереснее рассмотреть эту проблематику с «идеационной» (“ideational”) перспективы.

Институциональный дизайн «производства идей» через «идеационную» призму

Как отмечают российские исследователи, «идеационный поворот» выразился в трех основных концептуальных направлениях: институциональном конструктивизме, дискурсивном институционализме и институциональной логике (Шмерлина, 2016). Рассмотрим, в какой мере их теоретические рамки применимы для целей исследования.

«Институциональный конструктивизм» в нашем случае дает представление об «эффекте колеи» (частично описанном выше), который объясняет инерцию в формировании российской политики, в том числе внешней. Показательным является пример формального изменения Концепции внешней политики. Уже после украинского кризиса 2014 г. стало понятно актуальное и перспективное состояние российских отношений с западными странами, в результате и начался «поворот от Запада», ставший одновременно и «поворотом на Восток». Но потребовалось еще 9 лет для того, чтобы это нашло свое закрепление в официальном документе, определяющем российскую внешнюю политику.

В настоящее время, после официального декларирования такого разворота, можно ожидать, что процесс постепенно будет набирать обороты, хотя и здесь не должно быть излишних иллюзий: слишком многое еще предстоит изменить как в практической сфере, так и в сфере образования, на уровне мышления, стандартных схем ведения переговоров и поиска баланса интересов в международной политике, и так далее. Трезвая оценка силы «эффекта колеи» позволит реально оценить возможные сложности и подготовиться к ним.

В некоторых случаях могут потребоваться радикальные изменения: от смены приоритетов у абитуриентов (и их родителей), поступающих на первый курс бакалавриата и специалитета по специальностям в сфере международных отношений, до формирования устойчивого и финансово

обеспеченного спроса на специалистов по «незападным странам» в государственных и частных компаниях, в государственных органах федерального и регионального уровня – там, где внешняя политика реализуется на практике.

В академическом секторе, а также в негосударственных аналитических центрах эту тенденцию также потребуются изменить: как в части языковой и страноведческой подготовки, так и в части формирования и расширения контактов с партнерами из соответствующих стран, формирования и развития устойчивых партнерских отношений с ними, развития совместных исследовательских и образовательных проектов. Такая деятельность должна перестать восприниматься как нечто экзотическое, присущее специализированным институтам, а стать нормальной практикой международной деятельности большинства российских аналитических центров. Конечно же, не может быть и речи от отказа от изучения английского языка – ведь он является языком международного общения и, зачастую, единственно возможным языком общения с партнерами из западных стран (из-за низкой распространенности русского языка у них и недостаточности специалистов с соответствующей языковой подготовкой у нас). Пока же необходимо констатировать: из более чем ста российских аналитических центров только четверть имеют сайты (или разделы сайтов) на английском языке, и даже в этих случаях они не могут дать полного представления о деятельности организации наблюдателю, находящемуся за пределами страны. Этого явно недостаточно для того, чтобы развивать партнерство с зарубежными странами, особенно в проактивном порядке.

«Дискурсивный институционализм» (Шмерлина, 2016, с. 112) вводит понятие «идеационной» («идейной»)⁴ власти (Carstensen, Schmidt, 2016), которая проявляется в трех измерениях: «власть через идеи» (получение лидерства за счет производства идей, с помощью которых можно заставлять других менять свое поведение), «власть над идеями» (получение и удержание морального права формировать «идейную повестку»

⁴ На англ. – “ideational power”

и навязывать ее другим, в том числе – противостоять чужим идеям) и «власть в идеях» (формирование через идеи ментальных ограничений, за которые другие просто не могут выйти при «производстве идей», даже не осознавая этого – то есть через формирование системы знания и методов познания, системы ценностей и проч.). «Поворот на Восток» через призму этой концепции можно воспринимать как попытку изменить баланс сил «власти в идеях», то есть убрать ментальные ограничения, которые ранее не позволяли воспринимать незападные страны в качестве привлекательных партнеров.

Необходимо признать, что эти ментальные рамки имеют очень серьезное влияние: от стереотипов о «престижных», «перспективных» языках, регионах и странах при выборе обучения, до представления об «успешных» и «неуспешных» нациях и народах. Сейчас можно сказать, что эти рамки если не полностью сломаны, то хотя бы поколеблены. Отсутствие инициативы по поддержке этой концепции через развитие «власти над идеями» (формирование «идейной повестки» «поворота на Восток», ответы на вопросы: «почему именно на Восток?», «что это даст по сравнению с альтернативами?»), и «власти через идеи» (ответы на вопросы: «что делать?», «что предложить новым партнерам и как получить результат?») может привести к отсутствию значимых результатов «поворота», что очень быстро вернет старые рамки через «эффект колеи». Это один из серьезных вызовов для реализации данной концепции, который необходимо осознать сейчас как экспертному сообществу, так и политической элите, и «принять на вооружение» в рамках научной дипломатии, так как ответы на эти вопросы нужны не только внутри России, но и ее партнерам, которые также далеко не всегда понимают суть происходящих изменений в российской внешней политике и могут относиться к ним с настороженностью.

«Институциональная логика» (Шмерлина, 2016, с. 112-114) дает понимание внутренних противоречий в формировании институтов, когда институты при поверхностной внешней оценке работают некорректно.

Оценивая экспертизу как институт в рамках процесса формирования политического курса и принятия решений, можно идентифицировать как минимум три разные «логики»: «профессиональную» (которая

сформирована академическим и экспертным сообществом и ориентирована на поддержание профессиональной репутации и «символической власти» экспертных кругов), «управленческую» (которая сформирована государственной бюрократией, ответственной за управление и финансирование сферой науки и ориентирована на управленческую и финансовую эффективность экспертизы) и «логику доверия» (которая сформирована лицами, принимающими решения и ориентирована на ценностную близость и моральную чистоплотность экспертов, вовлеченных в формальные и неформальные процедуры выработки политики и конкретных решений).

Каждая из трех описанных логик базируется на разных принципах, которые являются ключевыми параметрами для положительной оценки деятельности института экспертизы соответствующими акторами.

«Профессиональная» логика требует от института быть независимым и ориентирована на академическую свободу и высокое качество исследований, на воспроизводство «социального капитала» как всего института в целом, так и его отдельных участников. Более того, именно «профессиональная» логика лучше всего проецируется на «власть над идеями» и «власть в идеях», что дает экспертному сообществу важные возможности, речь о которых пойдет ниже. «Управленческая» логика требует от института быть экономически эффективным, прозрачным для управленческого и финансового контроля и понятным для бюрократии. «Логика доверия» требует глубокой вовлеченности, поддержки и ограниченной открытости.

Эти «логики» трудно совместить между собой, более того, они находятся в конкуренции, так как между ними все же есть определенная субординация (формально-неформальная): «логика доверия» формируется на высшем политическом уровне и требует неформального подчинения себе «управленческой» логики, которая, в свою очередь, требует подчинения себе «профессиональной» логики. Но последняя может оспаривать это подчинение (опять же – неформально), так как является залогом профессионализма, без чего не обойтись в «логике доверия». Помимо этого, следуя «профессиональной» логике экспертное сообщество может обладать всеми видами «идеационной власти»,

осуществляя «власть через идеи», «власть над идеями» и «власть в идеях» как в отношении бюрократии, так и в отношении ЛПР. В итоге конкуренция этих «логик» формирует «лоскутное одеяло» российской экспертизы в сфере политики, где подчас организации-институты не столь важны как эксперты, экспертные сообщества и их личные, полунформальные связи с политическими кругами, а символический капитал и «идеационная власть» могут быть сильнее политической власти или серьезно влиять на ее осуществление.

В итоге внешнему наблюдателю трудно и даже невозможно понять, как и где именно формируется «поле идей» для российской политики. При этом ни одна из перечисленных институциональных «логик» не ориентирована непосредственно на поддержание этого «поля идей».

Если суммировать полученные результаты, получается следующая картина. «Эффект колеи» в идейной сфере будет еще долго работать не в пользу идей для «поворота на Восток», но его влияние может быть постепенно снижено в случае реализации последовательных действий в части усиления «идеационной власти» в этом направлении. Само пространство «идеационной власти» станет полем интенсивной, но малозаметной для стороннего наблюдателя борьбы во всех трех измерениях, в том числе потому, что прежде работавшие «габитусы» профессиональной деятельности в этой сфере уже не будут столь эффективны или станут вообще неприменимыми. Чем интенсивнее будет производство идей для практической политики, которые будут укреплять «власть над идеями» и «власть через идеи» в части обеспечения «поворота на Восток», тем меньше будет влияние «прозападных» рамок «власти в идеях».

Чтобы это производство начало работать, необходимо настроить процесс взаимодействия ЛПР и экспертного сообщества с учетом существования и конкуренции институциональных логик. Здесь кроется, возможно, основное решение проблемы: процесс производства и внедрения идей должен стать более открытым и понятным, как минимум для основных акторов, представляющих разные институциональные логики. Иными словами, он должен стать «общим знаменателем» для их оценки институтом экспертизы, не отменяя уже существующие. То есть «поле

идей» должно стать основным местом приложения усилий с точки зрения «профессиональной» логики, результативность на «поле идей» должна стать ключевым критерием для оценки с точки зрения «управленческой» логики, и все это не должно входить в противоречие с «логикой доверия», напротив, укреплять ее, но не за счет межличностных связей, а за счет развития формального института экспертизы для целей формирования государственной политики.

Такое решение кажется банальным на первый взгляд, при этом является труднореализуемым на практике. Строго говоря, предыдущие попытки оценить деятельность ученых и экспертов через различные измеримые «ключевые показатели эффективности» (КПЭ), в том числе наукометрические, нельзя признать удачными в целом и применимыми для рассматриваемых целей. Это мотивирует ученых и экспертов в лучшем случае к более интенсивным научным публикациям, которые вряд ли находятся в основном фокусе внимания ЛПР, без формального или неформального одобрения которых чиновники все равно не могут принять окончательное решение о деятельности того или иного института-организации. В итоге круг опять замыкается, а КПЭ становятся «пятым колесом в телеге».

Само пространство идей функционирует в итоге в лучшем случае в формате «выставки»: эксперты выставляют свои идеи в неких публичных (научные или публицистические статьи, аналитические доклады) или непубличных (закрытые отчеты, формальные совещания или неформальные встречи, различные клубы) «выставочных местах», а ЛПР время от времени посещают эти «выставочные места», зачастую без прямого контакта с авторами идей. Этот процесс не является обязательным ни для одной из сторон.

Чтобы перейти к модели «рынка идей», необходимо резко повысить взаимную заинтересованность: ЛПР должны захотеть «купить» идею (речь не всегда идет о финансовом заказе, скорее о практической востребованности), а эксперты должны захотеть ее «продать», причем в том качестве, которое будет соответствовать интересам покупателя и не входить в противоречие с «профессиональной» логикой (институциональной или личной). Такие транзакции («покупки»)

идей и должны стать критерием оценки деятельности аналитических центров по отдельности, и самого института экспертизы в целом. Это задача, ответ на которую не будет дан в настоящей статье, но которая, надеемся, появится в повестке соответствующих акторов. Пока же можно сделать предположения, что для этих целей могут быть использованы ряд существующих и принципиально новых регуляторных механизмов, таких, например, как общественные и экспертные слушания, участие в экспертных и научных советах при органах государственной власти, введение аккредитации экспертной деятельности, установление требований по организации деятельности и финансированию экспертных и исследовательских организаций и другие.

«Наука для дипломатии»: возможности и ограничения

Рассмотренные выше особенности «производства идей» в контексте научной дипломатии описывают отношения формата «наука в дипломатии». Без решения описанных выше проблем производство идей становится проблематичным. Если представить, что они уже сформированы (такие попытки, например, в виде идеи «освобождения от неокOLONиализма», уже предпринимались), то какие механизмы могут быть использованы в рамках «науки для дипломатии» как компонента «научной дипломатии»? Оговоримся, что речь пойдет в первую очередь о социальных науках, о взаимодействии с теми самыми «представителями институтов гражданского общества, а также политологами, представителями экспертного и научного сообщества», которые указаны в Концепции. Каким образом могут выглядеть совместные с ними «поля идей», которые и составят содержание научной дипломатии и будут тем «бульоном», в котором будут совместно формироваться концепции сотрудничества России с соответствующими странами?

Логично предположить, что паттерны, существующие на национальном уровне, будут спроецированы и на отношения с зарубежными партнерами. Это означает, в первую очередь, формирование «выставок идей», на которые смогут заходить иностранные целевые аудитории. Благодаря информационно-коммуникационным технологиям, такого рода площадки

могут быть трансграничными и виртуальными и включать в себя сайты соответствующих российских организаций и научных журналов, совместные форумы и электронные платформы. Безусловно, они должны находить свое отражение и в материальных формах: книги и научные журналы, издаваемые на соответствующих языках и распространяемые в соответствующих странах. Большую роль могут играть и совместные мероприятия, научно-экспертного или общественно-политического содержания, такие, например, как упомянутый выше форум «Россия-Африка» и иные диалоговые площадки.

Работа по аудиту таких «выставок» еще предстоит, но уже очевидно, что задачи, например, публикации в зарубежных высокорейтинговых научных журналах, в том числе на английском языке, никак не теряют своей актуальности. Конечно, в этом случае потребуется уточнить требования к этим журналам, с учетом популярности их у соответствующих целевых аудиторий, а это будет означать усложнение КПЭ, предъявляемых к научным сотрудникам и экспертам. Также очевидно, что российские организации должны будут больше внимания уделять англоязычным и иным иноязычным версиям своих официальных сайтов и аккаунтов в социальных сетях, при этом условия работы российских организаций в адрес иностранных целевых аудиторий внутри социальных сетей, принадлежащих организациям, признанным в России экстремистскими, потребуют соответствующего правового уточнения. Опять же, результаты такой работы должны будут найти свое отражение в КПЭ деятельности научно-экспертных организаций и их сотрудников.

Однако, достаточно ли будет работы с «полями идей» только в «выставочном» формате? Западная, особенно британская и американская традиция распространения идей предполагает более напористую, если не сказать агрессивную модель их продвижения на любую аудиторию, в том числе зарубежную. Причем делается это эффективно, с учетом языковых, культурных и ценностных особенностей, что делает их «поля идей» наиболее привлекательными. Организация российской работы на таком же уровне будет предполагать высокопрофессиональную подготовку в области коммуникаций, в том числе международных, и умение работать как минимум в конкурентной, а может быть даже – в агрессивной среде,

которая во многом контролируется как раз представителями западного экспертного сообщества. Избежать этой конкуренции будет очень сложно, если только не получится создавать собственные, закрытые от западного участия диалоговые площадки и форумы. «Разворот от Запада» в этом смысле никак не означает его игнорирование или бегство от него. Напротив, говоря языком дискурсивного институционализма, это претензия на работу в «западном поле идей», претензия на «идеационную власть» если не внутри Запада, то на пространствах, где за Западом традиционно признается интеллектуальное лидерство. Строго говоря, нельзя исключать конкуренции в этой сфере и с «незападными» странами – тот же Китай активно развивает собственную «дискурсивную силу».

Ответом на эти вызовы может стать формирование международных «рынков идей» с активным российским участием. Эти «рынки идей» должны давать ответы на актуальные вызовы, общие для России и «незападных» стран (может быть – и западных тоже), по широкому спектру вопросов государственной политики, что позволит обеспечить обмен опытом и на практике сблизить позиции по национальной, международной и глобальной управленческой повестке. Успешный опыт работы на международных «рынках идей» неизбежно повлияет и на специфику внутрироссийских «полей идей», трансформируя принципы их работы и коммуникационную культуру.

Описанные выше проблемы и задачи – это только лишь первый обзор того, что предстоит сделать, и приглашение к профессиональной дискуссии.

Заключение

Ответ на поставленный во введении вопрос является скорее положительным. Закрепление в Концепции внешней политики такого поворота само по себе является идеей в формате «рамки» (легитимирующей политический курс) и одновременно «парадигмы» (задающей вектор поведения для элиты), тем самым фундаментально влияя на «поля идей» для государственной политики (что подтверждается самим фактом появления этой статьи).

Однако функционирование «поля идей» в политической сфере, особенно в части формирования и реализации внешней политики, имеет свои особенности, которые становятся хорошо заметны через «идеационную» призму и могут быть легко описаны при помощи метафор: они работают в формате «выставки», поддерживая их «ремесленное» производство, а должны начать работать в формате «рынка», что переведет их производство в формат «промышленного» со всеми институтами, которые будут опосредовать такого рода производство в части конкуренции, оценки качества производства и эффективности внедрения.

В этом процессе важнейшая роль отведена экспертному сообществу, которое обладает большими возможностями в части «идеационной» власти, но эти возможности могут быть использованы как в поддержку реализации «поворота на Восток», так и против этого, в том числе под воздействием «эффекта колеи» или из-за несочетаемости внутренних логик деятельности института экспертизы в государственной политике.

Такое положение вещей является вызовом для экспертного сообщества, которому придется взять на себя лидерство и в инициативном порядке начать предлагать идеи, причем в формате «парадигм», «программ» и «общественных ожиданий», что пока не очень свойственно российским аналитическим структурам. Описанные трансформации скорее всего приведут к изменению природы российского «режима знаний», который станет или более конкурентным, или более технократичным – в зависимости от того, как сложится диалог между экспертным сообществом, ЛПР и бюрократией, в том числе по поводу «правил игры» для государственных и негосударственных аналитических центров. Лучше, чтобы инициативу по формированию этих правил игры также взяло на себя само экспертное сообщество.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Благодарности: статья выполнена в рамках исследовательского проекта «Роль аналитических центров и экспертных сообществ в развитии научной дипломатии в отношениях со странами «глобального Юга» в части формирования роли России в мире и образа будущего России» при поддержке Минобрнауки России и Экспертного института социальных исследований (№123091200069-1)

Received: September 10, 2023

Accepted: October 01, 2023

DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-3-25-45

UDC: 304.42, 327

Political Science / Research article

“Fields of Ideas” for Science Diplomacy in the context of Russian “Pivot to East”

Maksim V. Vilisov, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Center for Interdisciplinary Studies Institute of Scientific Information in Social Sciences Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Institute for International Studies, MGIMO University.
E-mail: predsedatel@duma.mos.ru

Abstract: The crisis in Russian relations with the West has become a key trigger for a real “Pivot to East” in Russian foreign policy. The new edition of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation, approved by the Decree of the President of Russia dated March 31, 2023, proclaims and describes this turn in sufficient detail, expanding the space for scientific diplomacy within the framework of international humanitarian cooperation. This space is filled with “fields of ideas” that are formed within the framework of the relationship of the expert community with decision makers within the country and with foreign colleagues and partners. These “fields of ideas” are currently rather poorly organized “exhibitions of ideas” than “markets of ideas”, where their active production and exchange takes place. The study of the reasons for this using the tools of institutional constructivism, discursive institutionalism and “institutional logic” allowed us to identify the problems of their functioning and possible prospects for development. The latter require the active development of Russian and international “fields of ideas” within the framework of scientific diplomacy in a competitive format, while being ready to compete with both Western and “non-Western” actors. On the way of such transformation, there may be several institutional traps and dead ends, on the successful overcoming of which the success of such a transformation will depend.

Keywords: science diplomacy, pivot to east, think tanks, policy ideas, discursive institutionalism, institutional logic, knowledge regime.

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Acknowledgments: the article has been prepared in the framework of the research project “The role of think tanks and expert communities in the development of scientific diplomacy in relations with the countries of the “global South” in terms of shaping the role of Russia in the world and the image of the future of Russia” with the support of the Ministry of Education and Science of Russia and the Expert Institute for Social Research (№123091200069-1)

Список литературы / References:

Bordachev, T.V. & Pyatachkova, A.S. (2018). The Eurasian Cooperation Agenda. The Concept of Greater Eurasia in the Turn of Russia to the East. *International Organisations Research Journal*, 3, 33–51. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02

Campbell, J.L. (1998). Institutional Analysis and the Role of Ideas in Political Economy. *Theory and society*, 3, 377–409.

Campbell, J.L., Pedersen, O.K. (2011) Knowledge Regimes and Comparative Political Economy. In D. Béland & R. Cox (Eds.), *Ideas and politics in social science research*. Oxford: Oxford University Press. P. 167–190.

Carstensen, M. & Schmidt, V. (2016). Power through, over and in Ideas: Conceptualizing Ideational Power in Discursive Institutionalism. *Journal of European Public Policy*, 3, 318–337. DOI: 10.1080/13501763.2015.1115534

Drezner, D. (2017). *The Ideas Industry: How Pessimists, Partisans, and Plutocrats Are Transforming the Marketplace of Ideas*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 360 p.

Reinhardt, R.O. (2021). Russian Science Diplomacy at a Crossroads: Positive and Normative Analysis. *MGIMO Review of International Relations*, 2, 92–106. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106

Asmolov, K.V. & Zakharova, L.V. (2023). Reshitel'nost' i akkuratnost' [Decisiveness and Accuracy]. *Rossiya v global'noy politike*, 4, 203–224. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-203-224 (In Russian)

Bourdieu, P. (2007). Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociology of Social Space]. Transl. and ed. by N.A.Shmatko. Saint Petersburg: Aletyya. 288 p. (In Russian)

Denisov, I.E. (2020). Kontseptsiya «diskursivnoy sily» i transformatsiya kitayskoy vneshney politiki pri Si TSzin'pine [The Concept of 'Discursive Power' and the Transformation of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping]. *Comparative Politics Russia*, 4, 42–52. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047 (In Russian)

Karaganov, S.A. & Makarov, I.A. (2015). Povorot na vostok: itogi i zadachi [Turning to the East: Results and Tasks]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnyye nauki*, 8, 6–10. (In Russian)

Nosov, M.G. (2019). Povorot na Vostok: itogi pyati let [Turn to the East: Results of Five Years]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Institut Yevropy RAN*, 2, 6–13. DOI:10.15211/vestnikieran22019612 (In Russian)

Savchenko, A.E. & Zuenko, I.Yu. (2020). Dvizhushchiye sily rossiyskogo povorota na Vostok (The Driving Forces of Russia's Pivot to East). *Comparative Politics Russia*, 1, 111–125. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009 (In Russian)

Shmerlina, I.A. (2016). «Institutsional'naya logika»: kriticheskiy analiz napravleniya [“Institutional Logic”: Critical Analysis of the Direction]. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 4, 110–138. DOI: 10.19181/soc-jour.2016.22.4.4812 (In Russian)

Torkunov A.V. (2020). Rasshiryaya predely sotsiogumanitarnogo poznaniya mira [Expanding the Limits of Socio-Humanitarian Knowledge of the World]. *Vestnik RUDN. Seriya, Sotsiologiya*, 3, 694–703. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-694-703 (In Russian)

Torkunov, A.V. & Strel'tsov, D.V. (2023). Rossiyskaya politika povorota na Vostok: problemy i riski [Russian Policy of Turning to the East: Problems and Risks]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 4, 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16 (In Russian)

Torkunov, A.V.; Strel'tsov, D.V. & Koldunova E.V. (2020). Rossiyskiy povorot na Vostok: dostizheniya, problemy i perspektivy [Russian Turn to the East: Achievements, Problems and Prospects]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 5, 8–21. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02 (In Russian)

Vilisov, M.V. (2023). «Fabriki mysli» ili «kuznitsy idey»? Tsennostnaya povestka analiticheskikh tsentrov stran YEAEs v kontekste gosudarstvennoy politiki [«Think Tanks» or «Forges of Ideas»? The Value Agenda of the EAEU Countries' Think Tanks in the Public Policy Framework]. *Politicheskaya nauka*, 2, 203–233. DOI: 10.31249/poln/2023.02.09 (In Russian)

Литература на русском языке:

Асмолов К.В., Захарова Л.В. (2023). Решительность и аккуратность. *Россия в глобальной политике*. Т. 21. № 4. С. 203–224.

Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. (2018) Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток. *Вестник международных организаций*. Т. 13. № 3. С. 33–51. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02.

Бурдые П. (2007). Социология социального пространства/ Пер. с франц.; отв. ред. Перевода Н.А.Шматко. СПб: Алетейя. 288 с.

Вилисов М.В. (2023). «Фабрики мысли» или «кузницы идей»? Ценностная повестка аналитических центров стран ЕАЭС в контексте государственной политики. *Политическая наука*. № 2. С. 203–233. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.09>

Денисов И.Е. (2020). Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине. *Сравнительная политика*. № 4. С. 42–52. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047

Караганов С.А., Макаров И.А. (2015). Поворот на восток: итоги и задачи. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки*. № 8. С. 6–10.

Носов М.Г. (2019). Поворот на Восток: итоги пяти лет. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 2. С. 6–13. DOI:10.15211/vestnikieran22019612

Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. (2020). Движущие силы российского поворота на Восток. *Сравнительная политика*. № 1. С. 111–125. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009

Торкунов А.В. (2020). Расширяя пределы социогуманитарного познания мира. *Вестник РУДН. Серия, Социология*. № 3. С. 694–703. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-694-703

Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. (2023). Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски. *Мировая экономика и международные отношения*. № 4. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16

Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. (2020). Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 8–21. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02

Шмерлина И.А. (2016). «Институциональная логика»: критический анализ направления. *Социологический журнал*. № 4. С. 110–138. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4812

Многосторонняя культурная дипломатия: традиции и инновации

К.М. ТАБАРИНЦЕВА-РОМАНОВА¹

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия)

Аннотация

В статье рассматривается концепция многосторонней культурной дипломатии. Проведенный контент-анализ документов (коммюнике, декларации, хартии, планы, программы и т.п.) международных организаций и форумов (Совет Европы, Европейский союз, АСЕАН, ШОС, БРИКС, ЛАГ и др.) показал, что в большинстве случаев за последние три года выделяются следующие инновационные элементы в многосторонней культурной дипломатии: культурные права (усиление их роли в культуре); «зеленая» повестка и связанная с нею реализация Целей устойчивого развития ООН; цифровизация; «эволюция» защиты культурного наследия от комплекса конкретных мер к глобальной концепции; формирование повестки культурной безопасности сквозь призму защиты от дезинформации и укрепления региональной идентичности.

Ключевые слова

дипломатия, культурная дипломатия, ЮНЕСКО, Европейский союз, международные организации, культурная безопасность

Для цитирования

Табаринцева-Романова К.М. (2023). Многосторонняя культурная дипломатия: традиции и инновации. *Управление и политика*, 2(3), С. 46–57. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-3-46-57

¹ **Табаринцева-Романова Ксения Михайловна** – к.ф.н., доцент, кафедра теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 20083, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
E-mail: kseniaromanova@urfu.ru

Концепция многосторонней культурной дипломатии базируется на принципах культурного разнообразия и межкультурного диалога (ЮНЕСКО, Совет Европы). Она нацелена на повышение «авторитета» международных организаций, но одновременно является эффективным инструментом продвижения внешнеполитических целей как самой международной структуры, так и опосредованно национальных интересов ее участников путем формирования глобальной нормы ценностей и идей через культуру. Кроме этого, она играет роль своего рода «стабилизатора» мирового сообщества.

Многосторонняя дипломатия способствует формированию политической среды международного сотрудничества, основанной на логике общего «пула» ресурсов культуры и науки (особенно в решении общих глобальных проблем, таких как изменение климата или охрана культурного наследия). С этой точки зрения она способствует обеспечению гуманитарной и культурной безопасности через сохранение культурной идентичности, защиту культурных прав человека и прав меньшинств.

Исследовательские работы по многосторонней культурной дипломатии достаточно малочислены. Опосредованно данное предметное поле изучается в основном в западном научном пространстве. Среди основных авторов можно назвать Д. Каппелера (Kappeler, 2004), Н. Гринчева (Grincheva, 2023), П.М. Гофф (Goff, 2013), Б. Мартин (Martin, 2022), Р. Альбро (Albro, 2012), Л. Уолден (Walden, 2019). В настоящей статье, чтобы определить основные тенденции и инновации многосторонней культурной дипломатии, мы сосредоточимся на контент-анализе официальных документов международных организаций и форумов, непосредственно не ставящих в качестве основной цели продвижение культуры и науки, а именно: Совет Европы, Европейский союз, АСЕАН, Африканский союз, МЕРКОСУР, ШОС, БРИКС, Лига арабских государств и НАТО. Деятельность ЮНЕСКО целенаправленно не рассматривается в данной работе, поскольку культура и наука являются основными направлениями функционирования данной организации. Хронологически мы старались выбрать документы, принятые после пандемии, поскольку последняя оказала ощутимое влияние на культурный сектор (экономические убытки, увеличение доли оцифровок, активная цифровизация креативных

индустрий и пр.²), однако если таковых не было, то для изучения был выбран последний принятый по дате документ. Далее кратко рассмотрим, на наш взгляд, наиболее значимые с точки зрения содержания документы вышеперечисленных структур, а также профильные «культурные» структуры (если имеются), функционирующие при данных институтах.

Совет Европы. Несмотря на то, что Совет Европы занимается вопросами культуры, основная его деятельность связана с правами и свободами человека; также в последнее десятилетие наблюдается тенденция передачи реализуемых культурных проектов в ведение Европейского союза.

За последние три года наиболее значимым для культурной сферы стал Проект резолюции от 17 мая 2021 г. «Культура без границ: управление культурным наследием в качестве инструмента местного и регионального развития», где культурное наследие формулируется как «глобальная концепция, объединяющая те материальные объекты наследия, которые определены официальными органами, и нематериальные практики, знания, навыки и опыт общин». Важно подчеркнуть, что в представленном документе отмечается необходимость выработки нового инструментария для защиты объектов культурного наследия от «чрезмерного» туризма, изменений климата, чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения. Также речь идет о вопросах, связанных с кризисом европейской идентичности. В апреле 2022 г. вступила в силу Конвенция совета Европы о правонарушениях в отношении культурных ценностей, направленная на развитие международного сотрудничества в борьбе с незаконной торговлей и разрушением культурных ценностей. Она стала единственным международным договором, конкретно посвященным криминализации незаконной торговли в данной области.

Европейский союз. Стратегия ЕС по развитию внешних культурных отношений преследует три основные цели: 1) раскрытие потенциала культуры и творчества для устойчивого социального и экономического

² Сбои и устойчивость: в докладах ЮНЕСКО приводятся новые данные о воздействии COVID-19 на культуру. ЮНЕСКО. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/sboi-i-ustoychivost-v-dokladakh-yunesko-privodyatsya-novye-dannye-o-vozdeystvii-covid-19-na-kulturu> (дата обращения: 01.10.2023).

развития – культура является источником инклюзивного роста и создания рабочих мест; 2) содействие миру и борьба с радикализацией посредством межкультурного диалога, который способствует укреплению взаимопонимания внутри обществ и между ними, помогает продемонстрировать ценность культурного разнообразия и прав человека; 3) укрепление сотрудничества в области защиты культурного наследия³. В плане работы по культуре на 2023-2026 гг. прописано, что «культура вносит значительный вклад в устойчивое развитие, экономику и социальную интеграцию, укрепляя территориальную сплоченность». Были установлены такие приоритетные направления как укрепление культурных и творческих секторов; повышение роли культуры в обществе; культура для планеты – взаимосвязь культуры и «зеленой» повестки ЕС; усиление культурного аспекта во внешних отношениях⁴. К профильным структурам в качестве примера можно отнести Комиссия по культуре и образованию, Совет по делам образования, молодежи, культуры и спорту.

АСЕАН. В «Плане по культуре и искусству на 2016-2025» страны-члены АСЕАН называют следующие приоритетные задачи как для внутренней культурной политики региона, так и культурного международного взаимодействия: 1) повышение значимости понимания истории, культур, искусств, традиций и ценностей сообщества АСЕАН; 2) укрепление культурных прав всех народов АСЕАН с целью стимулирования развития региона, где люди имеют равный доступ к культурным ценностям и где культура является инклюзивной и способствует укреплению устойчивого развития; 3) защита культурного наследия и самобытности региона⁵. Сотрудничество в секторе культуры и искусств осуществляется министрами культуры и искусств стран АСЕАН, Комитетом АСЕАН по культуре и информации (COCI АСЕАН), подкомитетом по культуре (SCC) для реализации проектов и решения политических вопросов, связанных с данным сектором.

³ Relazioni culturali internazionali. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/IT/TXT/?uri=CELEX:32022G1207\(01\)&qid=1671635488811](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/IT/TXT/?uri=CELEX:32022G1207(01)&qid=1671635488811) (дата обращения: 01.10.2023).

⁴ Risoluzione del consiglio sul piano di lavoro dell'UE per la cultura 2023-2026. URL: <https://culture.ec.europa.eu/it/policies/strategic-framework-for-the-eus-cultural-policy> (дата обращения: 10.10.2023).

⁵ ASEAN Strategic Plan for Culture and Arts 2016-2025. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/Annex-2-AMCA-JMS.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).

Африканский союз. В «Хартии африканского культурного возрождения» (2006 г.) основными направлениями взаимодействия в области культуры являются: 1) создание в Африке сильной культурной самобытности, общего наследия, общих ценностей и этики; 2) восстановление и сохранение культурного наследия Африки, включая ее языки; 3) продвижение африканской культуры для формирования идеалов panaфриканизма; 4) поощрение культурного сотрудничества посредством использования африканских языков и развития межкультурного диалога; 5) признание спорта элементом культуры и важным вкладом в развитие человека и укрепление национального единства и сближения людей⁶. Документы за 2020-2023 гг. касаются социальной, цифровой и «устойчивой» повесток. Акцент ставится на работу с молодежью и достижение гендерного равенства. В организации существует департамент по культуре, который координирует деятельность и политику по всему континенту с целью создания дальнейшей структуры и возможностей для использования культуры в целях интеграции и возрождения Африки, культурного развития, продвижения творческих и культурных индустрий.

МЕРКОСУР. Специальная декларация по культуре (декабрь 2022 г.) содержит следующие положения: 1) культура как важный элемент трансформации и построения социальной сети, и поддержки достижения целей устойчивого развития; 2) совместная работа в определении, реализации, продвижении и мониторинге культурной политики, которая позволяет углубить и обеспечивать связь между государственным сектором, частным сектором и гражданским обществом; 3) необходимость содействия децентрализации культуры на национальных территориях блока, чтобы обеспечить доступ к культурным правам всем гражданам; 4) сохранение культурного и нематериального наследия и борьбы с незаконным оборотом культурных товаров в регионе⁷. В настоящее время деятельность МЕРКОСУР в области культуры осуществляется

⁶ Charter for African cultural Renaissance. URL: https://au.int/sites/default/files/pages/32901-file-01_charter-african-cultural_renaissance_en.pdf (дата обращения: 15.10.2023).

⁷ Declaração especial sobre cultura Dos Estados Partes do MERCOSUL e Estados Associados. URL: <https://www.mercosur.int/en/documento/declaracao-especial-sobre-cultura-dos-estados-partes-do-mercosul-e-estados-associados/> (дата обращения: 13.10.2023).

двенадцатью постоянными рабочими органами: Совещание министров культуры; Региональный координационный комитет; Комиссия по делам искусств; Комиссия по культурному разнообразию (в составе Рабочей группы по гендерным вопросам); Комиссия по креативной экономике и индустрии культуры; Информационная система МЕРКОСУР в области культуры; Комиссия по культурному наследию (в состав которой входят Комитеты по музеям, предупреждению незаконного оборота культурных ценностей и борьбе с ним, а также по наследию и туризму). В качестве примера значимых проектов можно привести такие инициативы как виртуальные тренинги по гендерным вопросам и культурному разнообразию, карта художественных резиденций МЕРКОСУР, «записные книжки разнообразия» (журнал по распространению информации о политике и действиях, проводимых правительствами и гражданским обществом в области выражения культурного разнообразия).

ШОС. В рамках ШОС проходят регулярные совещания министров образования, культуры, встречи руководителей национальных туристических администраций, существует Молодежный совет ШОС и Университет ШОС. Функционирует отдельный сайт организации, посвященный культурно-гуманитарному сотрудничеству ШОС. В принятой в 2023 г. Нью-Делийской декларации совета глав государств-членов ШОС речь идет о комплексном подходе к продвижению более «справедливого и эффективного международного сотрудничества⁸». В Совместном коммюнике по итогам 22-го заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов от 26 октября 2023 г. участники подчеркнули важную роль культурного сотрудничества как «основы для сохранения и укрепления дружбы и добрососедских отношений между государствами-членами ШОС, также было отмечено, что народная дипломатия способствует укреплению взаимопонимания и культурно-гуманитарных связей в рамках ШОС⁹». В заявлении

⁸ Совместное коммюнике по итогам двадцать второго заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. URL <http://rus.sectsc.org/culture/> (дата обращения: 09.10.2023).

⁹ Там же.

перечислен основной инструментарий межкультурного взаимодействия, как-то организация выставок, фестивалей, гастролей, обмен делегаций, сотрудничество между учреждениями культуры, но нет как таковых акцентов на «зеленую» и цифровую повестки в культуре или на развитие культурных прав и единой региональной идентичности.

БРИКС. В рамках БРИКС существует Соглашение между правительствами государств-членов БРИКС о сотрудничестве в области культуры (2015 г.). Согласно данному документу, к культурной сфере относятся такие направления, как музыкальное и танцевальное искусство, хореография, театр, цирковое искусство, архивное, издательское, библиотечное и музейное дело, культурное наследие, изящные, декоративные и прикладные искусства, аудиовизуальные работы. Основными векторами взаимодействия в данной области стали подготовка и повышение квалификации деятелей культуры и искусства; обмен работниками научно-исследовательской сферы, университетскими исследователями, экспертами и студентами; предотвращение незаконного ввоза, вывоза и передачи прав собственности на культурные ценности; расширение сотрудничества в таких областях, как охрана, сохранение, реставрация, возврат и использование объектов материального и нематериального культурного наследия. Базовыми ценностями культурного сотрудничества стали открытость, инклюзивность, равенство, уважение культурного многообразия, взаимное уважение и взаимопознание¹⁰. В мае 2022 г. министры культуры стран БРИКС подписали План действий по реализации Соглашения между правительствами государств БРИКС о сотрудничестве в области культуры на 2022-2026 гг. В представленном документе отражены перспективные направления сотрудничества, вопросы укрепления взаимодействия в сфере сохранения и популяризации культурного наследия стран БРИКС,

¹⁰ О подписании Соглашения между правительствами государств - членов БРИКС о сотрудничестве в области культуры. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102375364#10 (дата обращения: 10.10.2023).

развитие сотрудничества в цифровом пространстве и сфере креативных индустрий, а также необходимость углубления взаимодействия в рамках Альянса БРИКС¹¹.

Лига арабских государств. В рамках деятельности Лиги арабских государств с 1970 г. существует Организация по вопросам образования культуры и науки (далее ALESCO), которая включает в себя следующие структуры: арабский центр арабизации, переводов, авторства и публикаций; институт арабских исследований; институт арабских рукописей; координационное бюро арабизации и международный институт арабского языка. Основные направления работы департамента культуры связаны с охраной культурного наследия; с работой со СМИ по «исправлению» образа арабской цивилизации и его укреплению в Интернет; с сохранением арабской исторической памяти; с изучением феномена культурной глобализации с «целью противостояния вредным явлениям»¹². Яркими примерами реализуемых проектами стали «Столицы арабской культуры», «Арабское десятилетие культурных прав» (2018-2027 гг.), «День арабской поэзии», «Энциклопедия великих арабских и мусульманских ученых и писателей»¹³. В ходе обсуждений на 22-й сессии Конференции министров культуры арабских стран был рассмотрен и обновлен проект всеобъемлющего плана развития арабской культуры, основанный на аналитическом обзоре наиболее важных событий за последние 20 лет и обстоятельств, которые привели к этим событиям. Арабские лидеры и главы делегаций представили стратегические направления, которые страны должны принять в мире после пандемии. Они подчеркнули необходимость активизации совместных арабских культурных проектов для укрепления арабской идентичности и защиты молодого поколения. На конференции также обсуждались пути укрепления арабского культурного единства и обеспечения его устойчивости путем построения инклюзивных обществ. «Арабской культуре необходимо быть

¹¹ Страны БРИКС расширяют культурное сотрудничество. URL: https://culture.gov.ru/press/news/strany_briks_rasshiyayut_kulturnoe_sotrudnichestvo/ (дата обращения: 10.10.2023).

¹² الثقافة العربية. URL: <http://www.alecso.org/nsite/en/culture-bottom> (дата обращения: 10.10.2023).

¹³ Presentation. URL: <http://www.alecso.org/nsite/en/departments/culture-department> (дата обращения: 10.10.2023).

открытой для других культур мира и вносить свой вклад в налаживание человеческих связей по всему миру», было подчеркнуто в пресс-релизе Министерства культуры ОАЭ¹⁴.

НАТО¹⁵. На Мадридском саммите в июне 2022 г. главы стран-членов НАТО приняли подход и руководящие принципы НАТО в области безопасности человека, которые, среди прочего, охватывают защиту культурных ценностей¹⁶. В докладе «НАТО и культурные ценности: перспектива гибридной угрозы» (2023 г.) отмечалось, что: 1) защита культурных ценностей является важнейшим показателем в военной среде и критическим показателем безопасности, сплоченности и самобытности сообщества; 2) уничтожение объектов всемирного наследия стало инструментом информационной войны; 3) культурные ценности могут использоваться как инструмент гибридной войны: «нападение на них могут повлиять на устойчивость общества и указывать на попытку подорвать национальное единство или самобытность. Они также могут повлиять на сплоченность Североатлантического альянса»¹⁷.

* * *

Таким образом, в настоящее время расширяется сфера применения терминов «культура» и «культурное наследие». Все большую роль играют не только локальные и/или гражданские инициативы, но и региональные (как элемент культурной безопасности и региональной идентичности) – наряду с военной и продовольственной безопасностью. На современном этапе многосторонняя культурная дипломатия помимо развития межкультурного диалога направлена на «реабилитацию» исторического

¹⁴ Arab countries urged to take advantage of digital technology in developing cultural policies. URL: <https://www.khaleejtimes.com/uae/arab-countries-urged-to-take-advantage-of-digital-technology-in-developing-cultural-policies> (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁵ В 2017 г. в НАТО создан Северный центр культурного наследия и вооруженных конфликтов (СНАС) – независимая международная исследовательская организация, которая помогает международным организациям, правительствам, военным организациям и музеям понять и разработать более эффективные подходы к повышению роли культурного наследия в вооруженных конфликтах XXI в.

¹⁶ Madrid Summit Declaration. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm (дата обращения: 10.11.2023).

¹⁷ NATO and Cultural Property: A Hybrid Threat Perspective. URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/3512012/nato-and-cultural-property-a-hybrid-threat-perspective/> (дата обращения: 10.11.2023).

прошлого (дискриминация, преследования). Инновационными становятся элементы, связанные с активным внедрением в межкультурную повестку новых элементов, а именно: культурные права, «устойчивость» (привязка к целям устойчивого развития ООН), цифровизация. Форсируется развитие городской многосторонней дипломатии (например, «Креативные города ЮНЕСКО»). Появляется «сетевая культурная дипломатия» – термин, появившийся в связи с развитием цифровых технологий (министерства культуры Омана и Китая провели неделю цифрового культурного обмена для молодежи, художников и предпринимателей с целью обмена опытом и расширения культурного сотрудничества между двумя странами). Обозначился «пересмотр» концепта «защита культурного наследия» ввиду его политизации и «милитаризации». Наблюдается секьюритизация культурного наследия, с подключением к проблеме «зеленой» повестки. Феномен культуры отмены наряду с фейковыми новостями, фальсификацией истории, агрессивной пропаганды собственных ценностей становятся неизбежной реальностью культурной повестки.

Региональные организации при реализации многосторонней культурной дипломатии, декларируя одни и те же принципы (развитие межкультурного диалога, поддержка культурного разнообразия, защита культурного наследия, продвижение культурных прав) и используя одинаковый набор инструментов ее реализации (выставки, фестивали, лекции, издательское дело и т.п.), могут на деле преследовать разные цели: для одних – это продвижение и реализация глобальных универсальных идей и ценностей, для других – формирование, укрепление и защита собственной региональной идентичности (за счет противопоставления «другим»). При первом рассмотрении складывается впечатление, что ЦУР ООН, использование новых технологий в культурном и творческом секторах, достижение гендерного равенства и работа с молодежью являются теми универсалиями, которые могут «сгладить» цивилизационные отличия, однако требуется серьезный анализ, так ли это? Действительно ли представленные регионы вкладывают одинаковый смысл в эти «новые» элементы культурной политики и дипломатии?

Так, например, вопрос религии по-прежнему остается «за скобками» в европейском мире, но активно используется в арабском, что не позволяет говорить о полной успешности и эффективности межкультурного диалога на данном промежутке времени.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Received: October 15, 2023

Accepted: November 17, 2023

DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-3-46-57

UDC: 327

International Relations / Research article

Multilateral Cultural Diplomacy: Traditions and Innovations

Ksenia M. Tabarintseva-Romanova, PhD (Philological Sciences), Associate Professor
of the Department of Theory and History of International Relations,
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Lenin Ave., 51, 620083 Yekaterinburg, Russia.
E-mail: kseniaromanova@urfu.ru

Abstract: The article examines the concept of multilateral cultural diplomacy. Based on the content analysis of documents (various communiqués, declarations, charters, plans, programs, etc.) of international organizations (Council of Europe, European Union, ASEAN, SCO, BRICS, Arab League, etc.) in most cases over the last three year, the following innovative elements in multilateral cultural diplomacy are highlighted: cultural rights (strengthening their role in culture); the "green" agenda and the related implementation of the UN Sustainable Development Goals; digitalization; "evolution" of cultural heritage protection from a set of specific measures to a global concept; shaping the cultural security agenda through the prism of protecting against disinformation and strengthening regional identity.

Keywords: diplomacy, cultural diplomacy, UNESCO, European Union, international organizations, cultural security

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Albro, R. (2012). Aspiring to an Interest-Free Cultural Diplomacy? SPD Blog. USC Center on Public Diplomacy. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/aspiring-interest-free-cultural-diplomacy>

Goff, P. M. (2013). Cultural Diplomacy. *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy*. Andrew Cooper (ed.) et al. Oxford, Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199588862.013.0024

Grincheva, N. (2023). The Past and Future of Cultural Diplomacy. *International Journal of Cultural Policy*, March. DOI: 10.1080/10286632.2023.2183949

Kappeler, D. (2004). The Impact of Cultural Diversity on Multilateral Diplomacy and Relations. In *Intercultural Communication and Diplomacy*, ed. by Hannah Slavic. Diplo Foundation.

Martin, B. G. (2022). The Rise of the Cultural Treaty: Diplomatic Agreements and the International Politics of Culture in the Age of Three Worlds. *The International History Review*, 44, 1327-1346, DOI: 10.1080/07075332.2022.2048051

Walden, L. (2019). Cultural Diplomacy and Internationalism in Regional Art Institutions. *Visual Studies*, 4, 350-363. DOI: 10.1080/1472586X.2020.1715242

Bogatyreva O.N., Kovba D.M., Tabarintseva-Romanova K.M. (2022). [Intercivilizational dialogue as a tool of humanitarian diplomacy of the BRICS countries]. *Discourse-Pi*, 3, 101-121. (In Russian)

Tabarintseva-Romanova K.M. (2021). [International Humanitarian Cooperation: Foreign Approaches to Studying and Realisation]. *Comparative Politics Russia*, 12 (4), 31-46. DOI: 10.24412/2221-3279-2021-10038 (In Russian)

Литература на русском языке:

Богатырева О.Н., Ковба Д.М., Табаринцева-Романова К.М. (2022). Межцивилизационный диалог как инструмент гуманитарной дипломатии стран БРИКС. *Дискурс-Пи*. Т. 19. № 3. С. 101-121.

Табаринцева-Романова К.М. (2021). Международное гуманитарное сотрудничество: зарубежные подходы к изучению и реализации. *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 31-46.

Институциональные ограничения церковного лоббизма в США

Д.А. ПАРЕНЬКОВ¹

МГИМО МИД России (Россия)

Аннотация

В статье представлен анализ предусмотренных законодательством США ограничений на законодательный лоббизм и запрет на участие в политических кампаниях для религиозных организаций, попадающих под действие статьи 501(c)(3) Налогового кодекса США (IRC). Существующие институциональные рамки лоббистской деятельности таких организаций рассмотрены в контексте рекомендаций Службы внутренних доходов США (IRS) для церквей и религиозных организаций и комментариев Конференции католических епископов США для католических организаций о допустимых формах политической и лоббистской активности.

Ключевые слова

Религиозный лоббизм, Римско-Католическая церковь в США, религиозные группы интересов, религия и политика

Для цитирования

Пареньков Д.А. (2023). Институциональные ограничения церковного лоббизма в США. *Управление и политика*, 2(3), С. 58–70. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-3-58-70

¹ **Пареньков Даниил Алексеевич** – заместитель заведующего кафедрой политической теории, МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
E-mail: D.parenkov@inno.mgimo.ru

Специфика законодательства США накладывает институциональные ограничения на деятельность религиозных лобби. Подавляющее большинство организаций в США, продвигающих интересы религиозных групп, пользуются налоговыми преференциями и подпадают под действие статьи 501(c)(3) Налогового кодекса США (IRC), которая напрямую затрагивает политические и лоббистские возможности церковных структур. По данным Исследовательского центра Пью (Pew Research Center) 82% подобных структур действуют как некоммерческие организации, освобожденные от уплаты налогов в соответствии с разделом 501(c)(3) (Hertzke et al., 2011).

Положения Налогового кодекса ограничивают возможности влияния указанных организаций на законодательный процесс и устанавливает полный запрет на участие в политических кампаниях в интересах (или против) кандидатов на выборные государственные должности.

Законодательное ограничение лоббистской деятельности, распространяющееся на церкви и религиозные организации, было введено в 1934 году. Политическая логика, стоявшая за этими ограничениями, заключалась в том, что правительство должно быть нейтральным, а значительная деятельность, направленная на попытки повлиять на законодательство, не должна субсидироваться Министерством финансов США (Aldock, 1974).

Налоговый кодекс не устанавливает для организаций, попадающих под статью 501(c)(3), полного запрета на лоббистскую деятельность, но фиксирует, что «никакая существенная часть деятельности» не может быть направлена на попытки повлиять на законодательство². Данное положение трактуется как прямое ограничение возможностей законодательного лоббизма. Если в отношении конкретной организации будет выявлена слишком высокая лоббистская активность, это может привести к потере статуса, освобождающего от уплаты налогов.

² Internal Revenue Code, 26 U.S.C. § 501(c)3

В разъяснениях Службы внутренних доходов США говорится, что под законодательными действиями в контексте рассматриваемых ограничений понимаются «действия Конгресса США, любого законодательного органа штата, любого местного совета или аналогичного руководящего органа в отношении актов, законопроектов, резолюций или аналогичных вопросов (таких как законодательное подтверждение назначений на должности) или действия граждан в ходе референдума, инициативы по голосованию, внесения поправок в Конституцию или аналогичной процедуры³». При этом к законодательным действиям не относятся действия исполнительных, судебных или административных органов (Kindell & Reilly, 1997, p. 271). Соответственно церковь или религиозная организация будет рассматриваться как пытающаяся повлиять на законодательный процесс, если она напрямую контактирует (или призывает к этому граждан) с членами или служащими законодательного органа с целью предложения, поддержки или противодействия законодательству (или если организация выступает за принятие или отклонение законодательства). Попытки повлиять на судебную или исполнительную власть (например, путем призыва к принятию или пересмотру нормативных актов или других административных указаний) в данном контексте не рассматриваются в качестве лоббистской деятельности. Другими словами, речь идет именно о законодательном лоббизме.

Практическая оценка масштаба этих ограничений осложняется отсутствием в Налоговом кодексе и иных нормативных актах конкретных критериев отнесения того или иного объема лоббистских усилий к «существенной части» деятельности организации. При проектировании собственных лоббистских кампаний организации, опираются на рекомендации Службы внутренних доходов США (IRS) и сложившуюся практику. В случае с церквями основным источником информации

³ Tax Guide for Churches & Religious Organizations. Publication 1828 (Rev. 8-2015). Internal Revenue Service. URL: <https://www.irs.gov/pub/irs-pdf/p1828.pdf> (accessed: 18.08.2023).

выступают «Налоговые инструкции для церквей и религиозных организаций» и другие публикации Министерства финансов США и входящей в его состав Службы внутренних доходов.

Для определения того, являются ли попытки церкви или религиозной организации повлиять на законодательство существенной частью общей деятельности, налоговые органы США учитывают группу факторов. Они включают расходы организации на лоббистскую деятельность; время, затрачиваемое наемными работниками и волонтерами; прочие усилия и сопутствующие факторы.

Римско-Католическая церковь в США в своих рекомендациях для католических организаций по политической и лоббистской активности отмечает, что на практике лоббистская деятельность не рассматривается в качестве «существенной» части активности организации, если на нее приходится не более 5-15% от общих усилий и затрат организации⁴. При этом подчеркивается, что юристы Службы внутренних доходов США не рекомендуют опираться исключительно на показатель доли расходов, так как необходимо учитывать и другие факторы, например затраченные волонтерами усилия. В тоже время на практике расходы в размере десяти процентов от годового бюджета организации на деятельность, не облагаемую налогом, считаются «неоправданно высокими», а пятипроцентный порог – рассматривается как наиболее уместный.

Организации, попадающие под статью 501(с)(3), должны отслеживать и документировать расходы, связанные с лоббистской деятельностью, а также характер проведения такой активности, даже если они не предполагают прямых затрат. Это включает в себя время, затраченное волонтерами, степень освещения организацией этой деятельности, а также постоянный или периодический характер внимания организации к этому направлению.

⁴ Political Activity and Lobbying Guidelines for Catholic Organizations. USSCB Office of General Counsel (2020). URL: https://www.usccb.org/about/general-counsel/upload/2020-07-21-poli_activity_lobby_guide.pdf (accessed: 18.08.2023).

Отчетность учитывает восемь основных показателей, но не ограничивается ими (предусмотрена графа «другие активности»). В Таблице 1 приведены параметры, по которым организация должна проводить самооценку для подтверждения того, что лоббистская деятельность не выходит за рамки допустимых ограничений⁵ (Таблица 1):

Таблица 1.

Параметры, по которым организация должна проводить самооценку для подтверждения того, что лоббистская деятельность не выходит за рамки допустимых ограничений

<i>Пыталась ли организация в течение последнего налогового года повлиять на иностранное, национальное, государственное или местное законодательство, включая любые попытки повлиять на общественное мнение по законодательному вопросу или референдуму, посредством использования:</i>			
Инструмент	Да (+)	Нет (-)	Кол-во / объем
Волонтерская деятельность			
Расходы на персонал (объем указывается отдельно)			
Реклама в СМИ/медиа			
Рассылки законодателям, общественным и политическим деятелям			
Публикации и заявления (опубликованные или переданные в эфир)			
Гранты, переданные другим организациям с целью лоббизма			
Прямой контакт с законодателями, их аппаратом, государственными чиновниками, или законодательным органом			
Митинги, демонстрации, семинары, съезды, выступления, лекции или иные мероприятия			
Другие активности			
Итого			

Table 1. Parameters on which an organization should self-assess to ensure that lobbying activities lie within acceptable limits

⁵ Schedule C (Form 990 or 990-EZ) 2017, Part II-B. Political Campaign and Lobbying Activities for Organizations Exempt From Income Tax Under section 501(c) and section 527. Internal Revenue Service. URL: <https://www.irs.gov/pub/irs-prior/f990sc--2017.pdf> (accessed: 16.08.2023).

При учете расходов на лоббистскую деятельность организация должна принимать в расчет расходы на персонал, прямые и косвенные затраты. Расходы на персонал включают в себя затраты на каждого сотрудника, который тратит время на подготовку или проведение мероприятий в рамках лоббистских кампаний, включая часть общей заработной платы и льгот (налоговые вычеты, здравоохранение, пенсионные отчисления работодателя, транспортные расходы, субсидии и др.).

Прямые затраты относятся к сумме, уплаченной организацией за товары, услуги или средства, используемые для реализации лоббистской деятельности. Это включает в себя: расходы на печатную продукцию (например, печать листовок или брошюр в поддержку законопроекта); приобретение лицензий на интеллектуальную собственность; транспортные расходы (например, оплата такси для поездки на встречу с сотрудниками Конгресса); оплата услуг лоббистов и консультантов.

Косвенные затраты относятся к товарам, услугам или объектам, которые используются как для лоббистской, так и для обычной деятельности. К этому относятся расходы на аренду или содержание помещений, коммунальные услуги, услуги в области информационных технологий и т.д. Косвенные затраты рекомендовано определять по следующей формуле: необходимо умножить все такие затраты на дробь, числителем которой является время персонала, затраченное на лоббирование, а знаменателем – общее время работы персонала.

Помимо ограничения лоббистской деятельности статья 501(c)(3) накладывает полный запрет на «участие или вмешательство» (включая публикацию или распространение заявлений) в любую политическую кампанию от имени (или против) любого кандидата на государственную должность (public office)⁶. Хотя эти ограничения напрямую не касаются лоббистских кампаний, они значительно ограничивают арсенал возможных ресурсов для продвижения собственных интересов и воздействия на лиц, принимающих решения, в ходе лоббистских кампаний.

⁶ Internal Revenue Code, 26 U.S.C. § 501(c)3

Изначально данный запрет предлагалось установить вместе с ограничением лоббистской деятельности в 1934 году, однако тогда это положение не получило поддержки (Kindell & Reilly, 2002, p. 336). Спустя двадцать лет запрет на вмешательство в политические кампании был все же добавлен. Соответствующую поправку внес во время дебатов по редакции Налогового кодекса 1954 года Линдон Джонсон, на тот момент занимавший пост лидера меньшинства в Сенате. Поправка была принята без возражений, дебатов и обсуждений. Никаких протокольных записей, раскрывающих аргументацию возвращения к этой инициативе нет.

Наиболее обширное исследование возможных мотивов Линдона Джонсона было проведено Конференцией католических епископов США. На основе собранных Римско-Католической церковью в США данных, наиболее убедительной версией считается, что инициатива Джонсона была реакцией на праймериз в Техасе в ходе выборов в Сенат в том же году. Вероятно, он хотел отыгаться на освобожденных от налогов организациях, которые оказали поддержку сопернику Джонсона Дадли Догерти в ходе праймериз в 1954 году (Kindell & Reilly, 2002, p. 449). Конференция католических епископов США пыталась использовать эту информацию, чтобы впоследствии попытаться убедить законодателей в целесообразности отмены этого положения для религиозных организаций, так оно изначально не было нацелено на церковные структуры⁷. Эти усилия, впрочем, не принесли результата.

В дальнейшем Конгресс объяснил запрет на участие организаций, включая церкви, в предвыборной агитации тем, что это отражает политику Конгресса, согласно которой Министерство финансов США должно быть нейтральным в политических делах. Предполагается, что возможность многообразных освобожденных от уплаты налогов организаций, участвовать в политических кампаниях, сохраняя при этом налоговые преференции, подрывает этот принцип. Кроме того, считается, что,

⁷ См., например: Lobbying and Political Activities of Tax-Exempt Organizations. Hearings before the Subcommittee on Oversight, Committee on Ways and Means, House of Representatives, 100th Cong., 1st Sess. Serial 100-15. (1987). URL: <https://books.google.ru/books?id=ccgWAAAAIAAJ> (дата доступа 28.08.2023).

принимая это решение, Конгресс хотел избежать ситуации, при которой не облагаемые налогом взносы, использовались бы в электоральных кампаниях (Aprill, 2001, pp. 843-844).

Предусмотренный статьей 501(c)(3) запрет обычно называют запретом на «политическую деятельность» или запретом на «вмешательство в политическую кампанию». Под вмешательством в политические кампании понимается широкий перечень действий: заявления в поддержку или против в любой форме любого кандидата, политической партии или комитета политических действий (РАС); предоставление финансовой поддержки любому кандидату, политической партии или комитету политических действий; предоставление поддержки в нефинансовой форме любому кандидату, политической партии или комитету политических действий; распространение материалов, предвзятых по отношению к какому-либо кандидату, политической партии или комитету политических действий; проведение публичных встреч, дебатов или лекций, предвзятых по отношению к какому-либо кандидату, политической партии или комитету политических действий; проведение кампаний по участию в голосовании, предвзятых по отношению к любому кандидату, политической партии или комитету политических действий.

Служба внутренних доходов США интерпретирует запрет на вмешательство в политическую кампанию как абсолютный. Это означает, что даже одно действие из списка запрещенных может привести к потере организацией освобождения от налогов, независимо от того, составляет ли это действие существенную часть деятельности организации.

Термин «кандидат» относится к любому лицу, которое выдвигается самостоятельно или выдвигается кем-либо в качестве претендента на выборную государственную должность на федеральном уровне, уровне штата или на местном уровне. При этом уже одного публичного заявления о намерении баллотироваться на государственную должность достаточно для рассмотрения какого-либо лица в качестве кандидата. Более того, в ряде случаев кандидатом может считаться даже человек, который не заявлял о намерении баллотироваться. Например, в случае выдвижения человека третьими лицами, которые прилагают усилия для его избрания. В тоже

время тот факт, что человек является видным политическим деятелем, сам по себе недостаточен, чтобы считать его кандидатом. Таким образом, для того, чтобы кто-либо считался кандидатом, необходимы действия, однако они необязательно должны предприниматься самим кандидатом или требовать его согласия. В качестве «кандидатов» не рассматриваются лица, уже назначенные на должность, а также выборщики президента или вице-президента независимо от того, выбраны, выдвинуты, избраны или назначены такие лица или выборщики.

Раздел 501(с)(3) не запрещает действия в поддержку или против кандидатов на невыборные государственные должности, например, кандидатов в федеральные судьи. Однако если назначение произведено или должно быть подтверждено законодательным органом, любые шаги в поддержку или против такого назначения считаются лоббистской деятельностью, на которую распространяются описанные выше ограничения в рамках статьи 501(с)(3).

В случае участия в политических кампаниях, церковь или религиозная организация ставит под угрозу как свой статус, освобожденный от уплаты налогов, так и свое право на получение не облагаемых налогом взносов. Служба внутренних доходов США, как правило, узнает о возможном вмешательстве в политические кампании через сообщения в СМИ и жалобы третьих лиц. Частные лица, группы наблюдателей и другие организации могут подавать жалобы на действия организаций, нарушающие запрет. Для этого достаточно просто заполнить специальную форму (заявление) и отправить ее любым удобным способом, включая электронную почту.

Такие жалобы рассматривает Служба внутренних доходов США. За это отвечает соответствующий Комитет (Political Activities Referral Committee – PARC), который состоит из трех случайно выбранных руководителей организаций, освобожденных от налогов. Он рассматривает и рекомендует проведение аудита организаций, деятельность которых предположительно не соответствует федеральному налоговому законодательству.

Любое нарушение запрета может привести к лишению организации статуса, освобождающего от уплаты налогов, в том числе возможности получать пожертвования от доноров, имеющих право на налоговый вычет по благотворительному доходу. Дополнительно могут быть

наложены штрафы. Как правило, Служба внутренних доходов США ограничивается штрафными санкциями, если нарушение запрета на вмешательство в политическую кампанию было непреднамеренным или несущественным, а организация предприняла шаги для предотвращения подобных нарушений в будущем.

Налоговый кодекс предусматривает двухуровневую систему взысканий за политические расходы, произведенные в нарушение законодательства⁸. В случае первичного выявления нарушения организация должна уплатить сбор в размере 10% от своих расходов на политическую активность. Если руководство не исправляет ситуацию, то на организацию накладывается дополнительный сбор в размере 100% от суммы расходов. Кроме того, платеж в размере 2,5% будет взыскан с руководителей организации, которое сознательно согласилось на политические расходы, за исключением случаев, когда такое согласие не является умышленным и произошло по разумной причине. Если руководство организации отказывается от реализации корректирующих мероприятий, взимается дополнительный штраф в размере 50%. При этом, сбор первого уровня на руководителей организации не может превышать 5 000 долларов США, а второго уровня – не может превышать 10 000 долларов США. Под руководителем организации в этом контексте понимается должностное лицо, директор или доверенное лицо (или другое лицо с сопоставимыми обязанностями). Другими словами, речь идет о сотрудниках организации, обладающих полномочиями или ответственностью в отношении политических расходов. Кроме того, Служба внутренних доходов США также может подать иск с требованием полностью запретить дальнейшие политические расходы организации.

Существующие институциональные ограничения накладывают на церкви дополнительные издержки и сужают набор возможных технологий продвижения интересов. На практике в качестве наиболее существенного запрета стоит рассматривать запрет на создание и финансирование

⁸ Tax Guide for Churches & Religious Organizations. Publication 1828 (Rev. 8-2015). Internal Revenue Service. URL: <https://www.irs.gov/pub/irs-pdf/p1828.pdf> (accessed: 18.08.2023).

комитетов политических действий. Однако и это ограничение не все исследователи считают существенным. Для большинства религиозных групп четкая партийная предвыборная ориентация в рамках комитетов политических действий означает существенное снижение гибкости собственных стратегий и несет в себе риски нежелательных размежеваний среди паствы. Стоит, однако, отметить, что отдельные политически монолитные «правохристианские» группы стремятся повлиять на выборы в интересах конкретной партии и могут быть эффективными площадками для электоральной мобилизации (Hertzke et al., 2018).

В остальном у церквей есть достаточно возможностей для маневра. Например, запрет на проведение политических кампаний фактически не ограничивает возможности церковных иерархов участвовать в политических кампаниях в личном качестве. Связанные с церковью фигуры не могут выступать с заявлениями в поддержку или против кандидатов в официальных публикациях организации или на официальных церковных мероприятиях. Однако, как отмечается в рекомендациях Конференции католических епископов США, запрет на вмешательство в политические кампании не препятствует должностным лицам католических организаций, действующим в своем личном качестве, участвовать в агитации при условии, что они не используют финансовые ресурсы, помещения или персонал организации и четко и недвусмысленно указывают, что предпринятые действия или сделанные заявления носят частный характер.

Так, в качестве примера, можно рассмотреть следующую ситуацию, описанную в рекомендациях Конференции католических епископов США. Известный и уважаемый епископ за три недели до выборов посещает пресс-конференцию в предвыборном штабе какого-либо кандидата и заявляет, что этот кандидат должен быть переизбран. Епископ не заявляет, что говорит от имени всей церкви. При этом о его одобрении сообщается на первой полосе местной газеты, и в статье, очевидно, указывается, что он

⁹ Political Activity and Lobbying Guidelines for Catholic Organizations. USCCB Office of General Counsel (2020). URL: https://www.usccb.org/about/general-counsel/upload/2020-07-21-poli_activity_lobby_guide.pdf (дата доступа 18.08.2023).

является епископом. Данная ситуация не будет считаться вмешательством в предвыборную кампанию, поскольку епископ не выступал с одобрением кандидата на официальном церковном мероприятии, в официальном церковном издании или иным образом не использовал ресурсы церкви и не заявлял, что он выступал как представитель церкви.

В том, что касается ограничений лоббистской деятельности, для крупных организаций, осуществляющих широкий спектр деятельности, это также не является значимой проблемой. Расплывчатость формулировок в законодательстве и гибкость в определении «существенной» доли активности позволяет большинству церковных структур избегать официальной регистрации в качестве «лобби» и сохранять статус, освобождающий от уплаты налогов. В действительности же лоббистские кампании этих организаций просто встраиваются в продвижение моральных и религиозных принципов с опорой на мобилизацию верующих и прямые контакты иерархов.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Institutional Constraints of Church Lobbying In the USA

Daniil A. Parenkov, Deputy Head of the Department of Political Theory, MGIMO University.
76, Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia.
E-mail: D.parenkov@inno.mgimo.ru

Abstract: The article presents an analysis of the restrictions on legislative lobbying and the ban on participation in political campaigns for religious organizations covered by section 501 (c) (3) of the Internal Revenue Code (IRC). The existing institutional framework for lobbying activities of such organizations is considered in the context of the recommendations of the Internal Revenue Service (IRS) for churches and religious organizations and the United States Conference of Catholic Bishops guidelines for catholic organizations on acceptable forms of political and lobbying activity.

Keywords: religious lobbying, Roman Catholic Church in the USA, religious interest groups, religion and politics

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

- Aldock, J. (1974). Church Lobbying: The Legal Constraints. *The Catholic Lawyer*, 20 (4), 309-316.
- Aprill, E. (2001). Churches, Politics, and the Charitable Contribution Deduction. *Boston College Law Review*, 42(4), 843-873.
- Hertzke, A., Lugo, L., Cooperman, A., Lawton A., & Podrebarac E. (2011). *Lobbying for the Faithful: Religious Advocacy Groups in Washington, D.C.* Pew Research Center. 76 p.
- Hertzke, A., Olson, L., Den Dulk, K., & Fowler, R. (2018). *Religion and politics in America: faith, culture, and strategic choices*. 6th Edition. Routledge. 378 p.
- Kindell, J., Reilly, J. (2002). *Election Year Issues*. IRS Exempt Organizations Division. 335-487.
- Kindell, J., Reilly, J. (1997). *Lobbying Issues*. IRS Exempt Organizations Division. 261-366.

Русско-японская война 1904–1905 и православие в Восточной Азии

Ли Цзин¹

Университет Цинхуа (Китай)

Аннотация

Начиная с XVIII века, Российская империя направляла духовные миссии в три страны Восточной Азии: русские миссионеры активно работали в Китае, Японии и Корее. Русско-японская война 1904–1905 гг. повлияла на развитие православия в Восточной Азии. В данной статье проанализированы общие черты православных миссий в трех странах Восточной Азии в период Русско-японской войны. Сравнительный анализ трех миссий демонстрирует общие характеристики и тесные связи между ними.

Ключевые слова

Русско-японская война 1904–1905, Русская Духовная Миссия в Корее, Русская Духовная Миссия в Китае, Русская Духовная Миссия в Японии, православие в Восточной Азии

Для цитирования

Ли Цзин (2023). Русско-японская война 1904–1905 и православие в Восточной Азии. *Управление и политика*, 2(3), С. 71–78. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-3-71-78

После начала в 1904 году Русско-японской войны все православные церкви Российской империи, в числе которых были и православные миссионеры в Восточной Азии, молились о победе русской армии. 27 января (9 февраля) 1904 г. был объявлен «Высочайший манифест» императора Николая II об объявлении войны Японии, в котором, в частности, говорилось: «Мы с непоколебимою

¹ Ли Цзин – докторант, Университет Цинхуа. Китай, Пекин. Хайдянь, ул. Шуанцин, 30.
E-mail: 923639147@qq.com

верою в помощь Всевышнего и в твердом уповании на единодушную готовность всех верных Наших подданных встать вместе с Нами на защиту отечества, призываем благословение Божие на доблестные Наши войска армии и флота»². Православных миссионеров в Восточной Азии волновала судьба родины и ход войны. В данной статье рассматривается, как русские миссионеры, находившиеся на передовой Русско-японской войны, связывали свою судьбу с судьбой своей страны. Если ранее ученые рассматривали три Русские Духовные миссии в Восточной Азии (в Японии, в Корее, в Китае) отдельно, в настоящей статье все три миссии будут рассмотрены в совокупности, так как фронт Русско-японской войны проходил по всему Дальнему Востоку (Корее, Китаю), Япония стала враждебной страной, а все миссии были вовлечены в те события.

Русская духовная миссия в Корее. Зимой 1904 года в Сеуле были отчетливо слышны звуки морского боя между Российской империей и Японией. Как указывал Епископ Хрисанф, «Русская Духовная миссия в Корее и все русские во главе с посланником присутствовали в храме при миссии на молебне за русские войска, участвовавшие в войне». (Хрисанф, 2012, с. 219).

По пути из Сеула в Шанхай священники из Русской духовной миссии в Корее занимались уходом за ранеными, совершением исповеди и других таинств. По рассказам священников, русские солдаты демонстрировали истинную любовь ко Христу и веру в то, что Бог с ними, и священники были тронуты их простой, но глубокой верой. Даже находясь в Китае, священники беспокоились о своей церкви и духовной миссии и молились о каждом из верующих. Несмотря на неопределенность своего будущего, участники Миссии планировали свое возвращение в Сеул в качестве миссионеров, так как миссионерская работа занимала важное место в их жизни. Для православного миссионера Русская духовная миссия за рубежом воспринималась как важная обязанность, священников волновал ход войны и её результаты для Российской империи.

² Высочайший Манифест. (1904). *Православный собеседник*. Часть I. Казань: Типография Императорского Университета. С. 157-158. URL. http://nasledie.russportal.ru/index.php?id=histrus.manifest1904_01_27

Следует отметить, что Русско-японская война изменила судьбу Русской духовной миссии в Корее. Первоначальные планы по строительству миссионерской школы в Корее были нарушены. После того, как миссия была вынуждена покинуть Корею, ее глава Хрисанф (Щетковский) вернулся в Санкт-Петербург, а отец Варфоломей по собственному желанию вызвался отправиться в Северо-Восточный Китай, чтобы начать работу в одном из полевых госпиталей. После Русско-японской войны в Корею была направлена новая миссия.

Русская духовная миссия в Китае. Во время Русско-японской войны в «Кратком очерке деятельности Православной духовной миссии в Пекине» отмечалось следующее: «Православная Русская церковь в Китае управляется Его Преосвященством, Преосвященнейшим Иннокентием, Епископом Переяславским, который, вместе с тем, состоит Начальником Русской духовной миссии в Пекине»³. Согласно мнению Иннокентия (Фигуровского), миссия в Китае была основана «заботами русского Императора Петра Великого и содействием знаменитого китайского Богдыхана Канси. Русская духовная Миссия долгое время служила единственным русским учреждением при сношении двух великих держав»⁴. Иннокентий (Фигуровский) думал, что с разделением миссии в 1864 г. на дипломатическую и духовную части, последняя была забыта всеми⁵. Миссии не хватало средств и человеческих ресурсов, и вся её деятельность ограничивалась изданием переводов богослужебных книг на китайский язык. После боксерского восстания ихэтуаней, в русском обществе зародился интерес к миссионерскому делу в Китае. Это стало важным поворотным пунктом для Русской духовной миссии в Китае. После того как в 1902 г. Иннокентий (Фигуровский) получил царским указом сан епископа, он подготовил ряд священников китайского происхождения (Xiao Yuqiu, с. 241).

³ Краткий очерк деятельности Православной духовной миссии в Пекине. (1904). Известия Братства православной церкви в Китае. Вып. 1. Харбин.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Русско-японская война повлияла на развитие миссионерства в Китае и православной церкви в Маньчжурии. С точки зрения Иннокентия (Фигуровского), военные события не должны были смущать русских миссионеров, так как «надлежит быть тому, что определено свыше, и приписывать войну ошибкам дипломатии, или произволу правителей, значило бы отрицать существование Бога, Промыслителя вселенной»⁶.

Православная духовная миссия в Китае также была очень обеспокоена ходом военных действий, поэтому стала издавать журнал «Известия Братства православной церкви в Китае», который выходил два раза в месяц⁷ и позже был переименован в «Китайский благовестник». В Харбине, собравшись по инициативе епископа Иннокентия (Фигуровский), «русские миссионеры рассуждая о тяжёлом положении раненых воинов и о материальных трудностях членов их семей, оставленных без поддержки, и решили образовать Братство Православной церкви в Китае и Комитет при нем для попечения о больных, раненых и нуждающихся воинах и их семей»⁸. Это демонстрировало заботу русских миссионеров в Китае о солдатах, соотечественниках и о родине.

Русская духовная миссия в Японии. 24 января 1904 года начальник русской духовной миссии в Японии Николай (Касаткин) получил листок «гогвай» (газетное экстренное известие) с сообщением, что японским императором русскому посланнику приказано оставить Японию. После этого Артур Карлович Вильм, переводчик Миссии, был прислан русским посланником уведомить его, что «все Посольство в следующую пятницу на французском почтовом пароходе уезжает из Йокохамы и Японии» (Дневники..., с. 8). Однако Николай (Касаткин) решил остаться в Японии, оказывая моральную поддержку японским православным. Он писал: «Себялюбие тянет в Россию – больше 23 лет не был там, и отдохнуть от однообразного долгого труда хочется; польза церковная велит остаться здесь» (Дневники..., с. 9). Япония обвинила Николая в том, что он

⁶ Слово, сказанное Его Преосвященством, Преосвященнейшим Иннокентием, Епископом Переславским, при закладке собора в Порт-Артуре, в мае месяце 1903 года. (1904). *Известия Братства православной церкви в Китае*. Вып. 1. Харбин.

⁷ Объявления. (1904). *Известия Братства православной церкви в Китае*. Вып. 1. Харбин.

⁸ К открытию Братства. Протокол №1. (1904). *Известия Братства православной церкви в Китае*. Вып. 1. Харбин.

являлся «главой российских шпионов» (Канзиси). На Миссию смотрели как на «гнездо разведчиков», «злостное место, откуда сыпятся проклятия на голову Японии и где молятся о ее поражении» (Мазурика, 2009, с. 169).

В этой кризисной ситуации Николай (Касаткин) возглавил общину верующих, помог им объединиться и всеми силами бороться с трудностями. С появлением в Японии первых русских военнопленных все усилия Николая (Касаткина) были направлены на заботу о них. Он отправил японского священника Судзуки Кюухати (в православии – отца Сергия) в город Мацуяма совершать богослужения вместе с русскими военнопленными. Японские священники, например тот же Судзуки Кюухати, совершали молитвы на русском языке с военнопленными в лагере, оказывая тем самым им духовную поддержку. Николай (Касаткин) и духовенство Церкви в Японии демонстрировали любовь к военнопленным и православным верующим; только благодаря их помощи удалось сохранить Православную Церковь в этой стране. По мнению Ю. Мазурики, период Русско-японской войны 1904–1905 гг. стал «важным периодом в истории японской православной Церкви, который способствовал сплочению православных японцев, показал верность православной вере, а также наглядно продемонстрировал опыт примирения двух народов в православной вере» (Мазурика, 2009, с. 169).

Православное миссионерство в Восточной Азии. В Евангелии от Матфея присутствует повеление Иисуса своим ученикам идти и распространять Евангелие повсюду: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28: 19–20). Сравнивая Русские духовные миссии в Восточной Азии можно сделать вывод, что все они – несмотря на условия – продолжали миссионерствовать с целью распространения православной веры. Благодаря миссиям распространение Православия в странах Восточной Азии проходило по схожей и взаимосвязанной траектории.

В своей книге «Из писем корейского миссионера» епископ Хрисанф (Щетковский) описал одно «интересное совпадение»⁹. После Русско-японской войны епископ Хрисанф, глава Русской духовной миссии в Корее, спешно покинувший Сеул, крестил корейского мальчика в Шанхае – «мальчуган этот, будучи корейцем, крещен в китайской миссии, а миро и елей при крещении и миропомазании были совершенно непредвиденно употреблены из миссии японской, — их сдал сюда на хранение из нагасакской церкви один священник»¹⁰. С точки зрения региональной истории, это, безусловно, показательный случай межнационального и межрелигиозного сотрудничества. Рассмотрение этого случая показывает, что Русские духовные миссии в Восточной Азии не были изолированы друг от друга. Это заключение важно, поскольку ранее в исследованиях не проводился сравнительный анализ страновых особенностей миссионерской деятельности в Восточной Азии, хотя и существует множество специальных исследований отдельных миссий в странах Восточной Азии на русском, китайском, японском, корейском и английском языках.

Тесную сеть миссионеров и миссий можно выявить при системном изучении связей духовных миссий в Восточной Азии. Тесное общение между миссиями проистекало из общей веры и приверженности к распространению православия.

Таким образом, деятельность Русских духовных миссий в Восточной Азии на рубеже XIX и XX вв. была важной составляющей миссионерской работы Русской православной церкви, оказывала влияние на формирование духовного единства и способствовала активизации гуманитарной работы в условиях конфликта. Анализ показал, что Русские духовные миссии в Восточной Азии не были изолированы друг от друга, а деятельность русских православных миссионеров в Восточной Азии в период Русско-японской войны подтверждает тезис о традиции Русской православной церкви действовать на духовное объединение православных христиан в разных странах.

⁹ Хрисанф (Щетковский) Епископ. (1904). *Из писем корейского миссионера*. Казань: тип. Ун-та, 1904. 63 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/iz-pisem-korejskogo-missionera/#source> (дата обращения: 01.08.2023)

¹⁰ Там же.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Received: August 28, 2023

Accepted: October 2, 2023

DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-3-71-78

UDC: 322, 94

Political Science / Research article

Russo-Japanese War 1904–1905 and Orthodoxy in East Asia

Li Jing, Post-graduate Student, Tsinghua University.
30 Shuangqing Rd, Haidian District, Beijing, China.
E-mail: 923639147@qq.com

Abstract: Since the 18th century, the Russian Empire sent Orthodox Ecclesiastical missions to three countries in East Asia: Russian missionaries were active in China, Japan, and Korea. The Russo-Japanese War of 1904-1905 affected the development of missions and Orthodoxy in East Asia. The article analyzes the common features of Orthodox missions in East Asia in the context of the development of Russian Ecclesiastical missions in the three East Asian countries during the Russo-Japanese War and the impact of the war on Orthodox Christianity in East Asia. The article examines and compares three Russian missions and identifies similarities and connections between them.

Keywords: Russo-Japanese War 1904-1905, Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in Korea, Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in China, Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in Japan, Orthodoxy in East Asia

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

肖玉秋. 东正教在直隶省永平府地区的传播(1898~1917). 世界近现代史研究, 2016:225-244. (Xiao Yuqiu. The spread of Orthodoxy in the Yongpingfu region of the city of Zhili (1898-1917). (2016). Research into new and recent world history. Beijing, pp. 225-244.) (In Chinese)

金石仲華. 『鈴木九八伝:ニコライ大主教の弟子』. 私家版. 1993. 101頁. (Kaneishi N. (1993). Student of Archbishop Nicholas. The story of Father Sergius Suzuki. 101 p.) (In Japanese)

Alekseev, A.V. (2018). Deyatelnost rossiyskikh missionerov v Vostochnoy Azii v kontse XX - nachale XXI vv [The Activities of Russian Missionaries in East Asia at the End of the 20th – beginning of the 21st Centuries]. *Teologiya. Filosofiya. Pravo*, 2 (6), 27–40. DOI: 10.24411/2541-8947-2018-10003 (in Russian)

Dnevniky svyatogo Nikolaya Yaponskogo [Diaries of St. Nicholas of Japan]. (2004). Comp. by K. Nakamura. Vol. 5. Saint Petersburg, Giperion. 960 c. (in Russian)

Lukin, A.V., Puzanova, O.V. (2022). Podkhod Svyatitelya Nikolaya Yaponskogo k problemam ot-nosheniy Tserkvi i gosudarstva i opredeleniyu statusa yaponskoy pravoslavnoy tserkvi [The approach of St. Nicholas of Japan to the problems of relations between the Church and the state and the determination of the status of the Japanese Orthodox Church]. *Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogosloviye. Filosofiya*, 99, 11–29. (in Russian)

Mazurika, Yu. (2009). Sv. Nikolay Yaponskiy i Russko-yaponskaya voyna 1904-1905 gg.: opyt prim-ireniya skvoz' prizmu very [St. Nicholas of Japan and the Russian-Japanese War of 1904-1905: the ex-perience of reconciliation through the prism of faith]. *Aktualnyye problemy otechestvennoy i vseмирnoy istorii*, 12, 168–178. (in Russian)

Chrysanthus (Shchetkovsky) Bishop. (2012). Ot Seula do Vladivostoka [From Seoul to Vladivostok]. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo stavropigial'nogo muzhskogo monastyrya. 260 p. (in Russian)

Литература на русском языке:

Алексеев А.В. (2018). Деятельность российских миссионеров в Восточной Азии в конце XX - начале XXI вв. *Теология. Философия. Право*. № 2 (6). С. 27–40. DOI: 10.24411/2541-8947-2018-10003

Дневники святого Николая Японского. (2004). Сост. К. Накамура. Т. 5. СПб.: Гиперион. 960 с.

Лукин А.В., Пузанова О.В. (2022). Подход Святителя Николая Японского к проблемам отношений Церкви и государства и определению статуса японской православной церкви. *Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия*. Вып. 99. С. 11–29.

Мазурика, Ю. (2009). Св. Николай Японский и Русско-японская война 1904-1905 гг.: опыт примирения сквозь призму веры. *Актуальные проблемы отечественной и всемирной истории*. Вып. 12. С. 168–178.

Хрисанф (Щетковский) Епископ. (2012). *От Сеула до Владивостока*. М., Издательство Сретенского ставропигиального мужского монастыря. 260 с.

Информация для авторов

Журнал «Управление и политика» принимает к публикации оригинальные и отличающиеся новизной и научной ценностью рукописи по политической теории, проблемам и трансформации политических институтов и процессов, вопросам политической идеологии, международной политики и государственного управления.

Рукописи принимаются в электронном виде на сайте журнала, где также подробно изложены требования к подаче рукописей: www.gr-mgimo.ru, а также по почте: gr@inno.mgimo.ru

В журнал принимаются исследовательские и аналитические статьи, теоретические и обзорные статьи, книжные рецензии.

Требования к рукописям:

- Представление статьи в журнал «Управление и политика» подразумевает, что: статья не была опубликована ранее в другом журнале, статья не находится на рассмотрении в другом журнале, все соавторы согласны с публикацией текущей версии статьи;

- объем без метаданных – 40 тыс. – 80 тыс. знаков;
- Microsoft Word (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 интервал;
- статья имеет следующую структуру:
 - ФИО автора и место работы (имя, степень, должность, полное наименование организации с почтовым адресом, e-mail) в отдельном файле .doc;
 - краткое название, отражающее ключевую проблему статьи;
 - аннотация (200-250 слов), которая должна содержать краткое изложение статьи и включать ключевые слова (8-10). Она должна содержать цель, исследовательский вопрос, методы и результаты исследования;
 - текст статьи должен быть логически разделен на несколько частей: введение (содержит цель статьи, исследовательский вопрос, объяснение, почему этот вопрос важен, обзор литературы); методология (методы исследования, теоретическая база, этапы исследования); результаты (результаты исследования представлены в логической форме); обсуждение (оценка результатов, их актуальность, важность и ограничения), заключение;
 - автор обязан сообщить редакции о потенциальном конфликте интересов, указав такую информацию. При отсутствии конфликта интересов автор добавляет в конце статьи следующую фразу: «Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов»;
 - Рисунки и таблицы не должны быть отсканированы, и должны быть редактируемы. Картинки должны быть высокого качества и присылаться отдельно (форматы .jpg или .png). Рисунки и таблицы должны нумероваться и иметь отсылку к ним в тексте, а также источники данных. В рукописи должно быть указано, где следует разместить каждый рисунок/таблицу/рамку, например: <рисунок 1.1 здесь>. Изображения с низким разрешением 72 dpi (из Интернета) не принимаются. Ответственность за получение разрешения на использование изображения лежит на

авторе. Автор несет исключительную ответственность за точность используемых изображений и/или карт. Если рукопись содержит специальные символы (китайские, арабские, символы, математические символы и т.д.), то необходимо предоставить PDF-версию рукописи и указать используемые специальные шрифты;

- Список литературы должен быть составлен в алфавитном порядке. Он включает научную литературу, аналитические отчеты и статьи в научных журналах. DOI следует указывать в конце ссылки. Ссылки на статистические данные, отчеты, законодательные документы, интернет-ресурсы должны быть оформлены в виде сносок с полным описанием и URL-адресом в постраничных ссылках. В журнале приветствуются ссылки на надежные источники, научные статьи, опубликованные в авторитетных журналах.

Журнал использует стиль ссылок APA:

примеры:

в тексте: (Иванов, 2021, с. 3-4) ... (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

в списке литературы:

Smith, K., Fox, R. (2021). *Book in Political Science*. Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

Подробнее: <https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

Литература на русском языке дается в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82, а также дается в транслитерации с переводом на английский язык

Brief Author's Guide

Peer-reviewed and open-access journal Governance and Politics welcomes submissions of original and outstanding research manuscripts in the field of political science.

The Journal is focused on political theories, political institutions and processes, political ideology, international politics, public administration and governance.

The Journal is published by the School of Governance and Politics of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) and is of relevance to academia, practitioners and policymakers. Only manuscripts of sufficient quality, relevant research question and sound methodology that meet the aims and scope of Governance and Politics will be subject to a double-blind peer-review.

The requirements for a research article are the following:

- the submission of an article implies that it has not been published earlier in another journal or book, is not under consideration in another journal, has no more than three co-authors, all of whom agree with the publication of the submitted version of the article;
- length of the article without metadata: 40,000 – 80,000 symbols (with spaces);
- Microsoft Word format (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 interval;
- the article has the following structure:
 - author's full name and affiliation (name, degree, occupation, ORCID, full affiliation with postal address, e-mail) in a separate .doc file;
 - short title reflecting the key problem of the article;
 - abstract (200-250 words). The abstract should provide a brief summary of the paper and include all keywords (8-10). It should contain *the purpose, research question, methods, and results of the research*;
 - the text of the article should be logically divided into several integral parts: introduction (*contains the aim of the article, research question, discussion on why this question is important, literature review*); methodology (*research methods, theoretical basis, stages of research*); results (*the results of research are presented in a logical way*); discussion (*assessment of the results, their relevance, importance and limitations*), conclusion;
 - the author is obliged to inform the editors about a potential conflict of interest by indicating such information. *If there is no conflict of interest, the author adds the following phrase at the end of the article: The author declares the absence of conflict of interest*;
 - • Figures and tables should not be scanned so that they could be edited. Pictures should be of high quality and sent separately (.jpg or .png). *Figures, tables and pictures should have number and reference in the text as well as a source of data. A manuscript should indicate where each figure/table/box should be placed, e.g. <figure 1.1 here>. Images with low resolution at 72dpi (internet sourced) are not accepted. It is the author's responsibility to obtain permission for the use of image. The author is solely responsible for the accuracy of the images and/or maps used. If manuscript contains special characters (Chinese, Arabic, Cyrillic, characters not generally used in Western European languages, symbols, mathematics etc.) then a PDF version of the manuscript needs to be submitted and the special fonts used need to be listed*;

- **References:** List of references should be composed alphabetically. It includes academic literature, analytical reports and articles in academic periodic journals. DOIs should be given in the end of a reference. References on statistics, reports, legislative documents, internet resources should be organized as footnotes with full description and URL.

The Journal uses the APA style of references:

examples:

in the text: (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

in References:

Smith, K., Fox, R. (2021). **Book in Political Science**. Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

For more examples and references instructions:

<https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

© МГИМО МИД России

СМИ зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 июля 2022 г., серия ПИ № ФС77-83595 (онлайн-версия, сетевое издание: 13 июля 2022 г., серия Эл № ФС77-83596)

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес редакции: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д.76,
Факультет управления и политики,
+7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции

Периодичность – 4 номера в год

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
Подписано в печать: 20.11.2023
Тираж 200 экз. / Объем 7,28 усл. п.л. / Заказ № 1505

© Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76,
School of Governance and Politics.
Phone/fax: +7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Authors' point of view may not coincide with that of the Editorial Board's one

Published by MGIMO University Press